

- ⁵⁰ *Энгельгардт Б.А.* Воспоминания о далеком прошлом // ОР РНБ. Ф.1052. Д.33. Л.18.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² См. подробнее: *Николаев А.Б., Поливанов О.А.* К вопросу об организации власти в феврале-марте 1917 г. // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С.131-144.
- ⁵³ А.Ф.Керенский формально мог выступать носителем двойных полномочий только после избрания в Исполком Петроградского Совета рабочих депутатов, т.е. после 9 часов вечера 27 февраля. Напомним, что в состав Временного исполкома Петросовета, который был создан днем 27 февраля, Керенский не вошел.
- ⁵⁴ *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М., 1994. Т.3. С.440.
- ⁵⁵ *Николаев А.Б., Поливанов О.А.* К вопросу об организации власти в феврале-марте 1917 г. ... С.136.
- ⁵⁶ Речь. 1917. 5 марта.
- ⁵⁷ РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.66. Л.2.
- ⁵⁸ В Совет Общества вошли Л.М.Клячко, Л.М.Неманов, Ф.Ф.Борнгардт, М.И.Кричевский, А.А.Антонов, В.А.Поляков, И.Г.Гиллер, В.А.Рябков, В.Б.Петрицев и М.Ю.Левит. Членами Президиума стали Л.М.Клячко (председатель), Ф.Ф.Борнгардт (товарищ председателя), В.А.Поляков (секретарь), И.Г.Гиллер (товарищ секретаря), В.А.Рябков (казначей). (Состав совета и образованных при нем комиссий // Вестник Петроградского общества журналистов. 1917. 16 апреля. № 1. С.8). В другой публикации, посвященной общему собранию Общества, казначеем был назван И.Г.Гиллер, а В.А.Рябков в качестве члена Президиума Совета не указывался (В обществе журналистов // Новое время. 1917. 7 марта).
- ⁵⁹ В обществе журналистов // Новое время. 1917. 7 марта.
- ⁶⁰ *Тессен И.В.* В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. М., 1993. Кн.11, т.22. С.356-357.
- ⁶¹ Комитет Петроградских журналистов // «Известия» КПЖ. 1917. 3 марта. № 7 (Типография Т-ва А.С.Суворина...).
- ⁶² От Комитета Петроградских Журналистов // «Известия» КПЖ. 1917. 5 марта. № 10 (Типография Т-ва А.С.Суворина...).
- ⁶³ Список членов общества // Вестник Петроградского общества журналистов. 1917. 16 апреля. № 1. С.9-12.
- ⁶⁴ *Заславский Д.О.* Печать в Февральские дни // Журналист. 1927. № 2. С.11.
- ⁶⁵ *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967. С.220.
- ⁶⁶ От Комитета Петроградских Журналистов // «Известия» КПЖ. 1917. 5 марта. № 10 (Типография Т-ва А.С.Суворина...).
- ⁶⁷ *Токарев Ю.С.* Указ. соч. С.29.
- ⁶⁸ Там же. С.28.
- ⁶⁹ Февральская революция 1917 года. С.115; Комитет Государственной Думы для водворения порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами // «Известия» КПЖ. 1917. 27 февраля. Б/н (Типография не указана).
- ⁷⁰ *Магула Г.А.* 27 февраля // Новое время. 1917. 25 марта (илл. приложение).
- ⁷¹ От Комитета Петроградских Журналистов // «Известия» КПЖ. 1917. 5 марта. № 10 (Типография Т-ва А.С.Суворина...).
- ⁷² *Д.З. [Заславский Д.О.]* Петроградская журналистика в дни революции // Петроградский листок. 1917. 13 марта (экстрен. вып.).
- ⁷³ *Магула Г.А.* 27 февраля // Новое время. 1917. 25 марта (илл. приложение).
- ⁷⁴ Заметим, что журналисты, создавая «Известия», рассматривали Государственную думу как «центр революционного восстания» (Общее собрание журналистов // Новое время. 1917. 14 марта).
- ⁷⁵ *Тессен А.И.* ...И я свой след оставил // Неделя. 1976. 12-18 апреля. № 15. С.8.
- ⁷⁶ В Российской национальной библиотеке хранятся однополосные ««Известия» Комитета петроградских журналистов» (1917. 27 февраля. Б/н (Типография не указана)), на оборотной стороне которых от руки синими чернилами сделана надпись: «Разбросано у [Государственной] Думы 27 фев[раля] 1917 г. в 11 ч[асов] веч[ера]».
- ⁷⁷ С 27 февраля по 5 марта 1917 г. вышло 10 номеров этой газеты. Подробнее см.: *Николаев А.Б.* Периодическая печать в дни февральской революции 1917 года: «Известия» Комитета петроградских журналистов // Три столетия Санкт-Петербурга. Взгляд молодых гуманитариев: Сб. статей. СПб., 1997. С.64-68.
- ⁷⁸ *Поляков А.* Комната № 10 // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1947. 23 марта. Ксерокопий этой статьи нам любезно предоставил Б.И.Колоницкий.
- ⁷⁹ На день позже схожая ситуация сложилась и в Москве. 28 февраля газеты во второй столице не вышли. Редакции 9 крупнейших газет сумели наладить выпуск информационного листка «Известия Московской печати», первый номер которого был выпущен в свет в 9 часов вечера 1 марта (*Мих. Г.* Новые органы печати // День. 1917. 25 марта). О положении с периодической печатью в Москве см. также: *Розовский Д.* Московская журналистика и журналисты в 1917-1918 гг. // Современник. М., 1925. Кн.1. С.257-275).

ОЧЕРК II

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА – ЦЕНТР РЕВОЛЮЦИИ И ШТАБ ВОССТАНИЯ

В дни Февральской революции были проведены мероприятия по созданию «центров-штабов», которые должны были возглавить движение восставших солдат, рабочих и горожан в Петрограде.

Так, днем 27 февраля большевики попытались использовать Финляндский вокзал в качестве центра, «куда соберется революционный штаб». ¹ Но организационная слабость большевиков предопределила крах этой идеи. Толпы солдат устремились к Таврическому дворцу, где заседала Государственная дума.

Г.С.Хрусталева-Носарь, освобожденный восставшими после 12 часов дня 27 февраля из Дома предварительного заключения, «подал мысль и решил взять на себя инициативу образования военного центра» ² в здании Петроградских судебных установлений (Литейный пр., д.4). Он организовал штурм Судебных установлений, которые были взяты после 2 часов дня. М.Рафес утверждал, что военный центр Хрусталевым-Носарем был создан. ³ Однако «штаб Хрусталева-Носаря» просуществовал менее часа (30-40 минут) и был ликвидирован, видимо, по инициативе из Таврического дворца.

Более жизненным оказался штаб, созданный в помещении ЦВПК (Литейный пр., д.46), и то только потому, что выступал в качестве вспомогательной структуры, обслуживавшей штаб восстания, который складывался 27 февраля в Государственной думе.

Появление штаба восстания в Государственной думе было предопределено не топографическим положением Таврического дворца, а той деятельностью, которую проводили думцы, начиная с утра-дня 27 февраля 1917 г. Подчеркнем, что создание думского штаба восстания, во-первых, не было одномоментным событием, а прошло несколько этапов; и, во-вторых, сопровождалось решением ряда существенных задач, поставленных революцией.

1. Борьба Государственной думы за солдатские массы утром-днем 27 февраля 1917 года

Важнейшей задачей революции стала работа по внесению в стихийное солдатское движение элементов организации, подчинение восстав-

ших солдат руководящему центру. Г.Л.Соболев утверждает, что солдаты «действовали на улицах, как правило, под руководством тех передовых солдат и унтер-офицеров, которые подняли их на выступление в казармах». ⁴ Действительно, широко известен тот факт, что восстанием в Учебной команде Запасного батальона л.-гв. Волынского полка руководили унтер-офицеры Т.И.Кирпичников и М.Г.Марков. Р.Ш.Ганелин и З.П.Соловьева, проанализировав очерк И.Лукаша, назвали фамилии 19 «солдатских командиров», включая Кирпичникова и Маркова. ⁵ Волынцы присоединили к своему движению преображенцев, размещавшихся в Таврических казармах, затем были сняты солдаты Запасного батальона л.-гв. Литовского полка и 6-го саперного батальона. По сообщениям прессы, в первом часу дня «к восставшим солдатам присоединился Запасной батальон лейб-гвардии Кексгольмского полка». ⁶

В Запасном батальоне л.-гв. Преображенского полка одним из руководителей восстания был унтер-офицер 4-й роты Ф.М.Круглов. Но, кроме руководителей из числа унтер-офицеров, важную роль играли и офицеры. Среди них называли поручика-волынца Кириленко и прапорщика того же полка Г.Т.Астахова. И.Весенев сообщал о действиях Кириленко: «27-го, утром, состоялось совещание офицеров. Против «бунтовщиков» решено было выставить пулеметы. Когда об этом узнал Кириленко, он побегал во двор и вынул замки из пулеметов». ⁷ Таким образом, Кириленко препятствовал возможному подавлению восстания Учебной команды Волынского полка.

Что касается Астахова, то он, по утверждению тогдашней прессы, был первым офицером, который «стал во главе восставших солдат в Петрограде». Именно он, переодетый в солдатскую шинель, сумел преодолеть замешательство солдат и руководил ими после соединения волынцев, литовцев и преображенцев. ⁸ Т.е., Астахов присоединился к волынцам уже после того, как они оказались на улице. Но, по словам Весенева, Астахов появился в казармах в момент начала восстания, «переоделся в унтер-офицерскую шинель и повел солдат». ⁹ К сожалению, пока точно не установлено, где Астахов возглавил восставших солдат, на улице или в казарме? В любом случае Астахов был своим для солдат. Н.И.Иорданский вспоминал, что какой-то прапорщик, подошедший «откуда-то», возглавил в Фуражном переулке полуроту преображенцев. Мемуарист писал: «Солдаты встретили его с явной радостью: “Ну, теперь пойдём! Прапорщик взял команду!” — пронеслось по рядам. И отряд двинулся вперед с большою уверенностью и твердостью». ¹⁰ Судя по реакции солдат, этот прапорщик был им знаком. Точно так же один или два прапорщика 2-го запасного саперного батальона, после того, как восставшие солдаты покинули казарму, сумели собрать их в отряд и возглавить его. ¹¹ Так что здесь можно говорить о каком-то внутреннем саморазвитии солдатского движения, вытолкнувшего из своей среды командиров-офицеров.

Тем не менее известны случаи, когда восставшими солдатами руководили «чужие» офицеры. Например, прапорщик 33-го пехотного Елецкого полка А.Ф.Богатов, командированный в феврале 1917 г. в Петроград по делам службы, утверждал, что 27 февраля «все время был на улице,

деятельно участвуя в происходящих событиях», и что его слово и мнение как строевого офицера было авторитетным «для колеблющихся или неуверенных солдат». ¹²

Несомненно, что кроме стихийного участия отдельных офицеров в руководстве восставшими солдатами, значительное организующее воздействие на них оказывалось и из Государственной думы. Именно в Думе 27 февраля начал формироваться штаб восстания. Процесс создания штаба и успешность его деятельности напрямую зависели от наличия в его распоряжении воинских частей, способных выполнять приказы, направленные на дальнейшее развитие революции.

Керенский, вспоминая о событиях 27 февраля, писал: «Уходя утром из дома, я успел позвонить нескольким из моих друзей и попросил их отправиться в охваченные восстанием военные казармы и убедить войска идти к Думе». ¹³ К сожалению, Керенский не назвал фамилий этих людей. Поэтому выяснить сейчас, до кого же Керенский все-таки сумел дозвониться утром и днем 27 февраля, уже крайне трудно. Но известно, что после 12 часов Керенский разыскивал по телефону Н.Н.Суханова, требуя его прихода в Таврический дворец. Суханова он не застал. ¹⁴ Известно также и то, что по поручению Керенского кто-то рано утром звонил В.Б.Станкевичу. Последний вспоминал об этом телефонном разговоре: «<...> от имени Керенского мне сообщили, что Дума распущена, Протопопов объявлен диктатором, что в Волынском полку произошло выступление, полк перебил офицеров, вышел с винтовками на улицу и направился к Преображенским казармам (в этих казармах был расположен мой батальон)». ¹⁵

Добавим, что Керенский, проявивший в этот день недюжинную энергию, не был одинок в своем стремлении привести восставшие войска к Государственной думе. И.П.Лейберов считает, что в этом же направлении работали, кроме А.Ф.Керенского, П.Н.Милюков, Н.В.Некрасов и близкий к думским левым кругам Н.Д.Соколов. Они, пишет исследователь, «попытались установить связь с солдатскими массами через своих сторонников, партийных активистов и направить их движение к Государственной думе». ¹⁶ Н.В.Некрасов ничего не вспомнил об этой деятельности среди солдат. ¹⁷ Однако мы не исключаем возможности того, что такая работа Некрасовым все-таки проводилась. Милюков в своих воспоминаниях также ничего не писал о тех шагах, которые он предпринял в пользу агитации за движение солдат к Думе. ¹⁸

Агитация за движение восставших к Думе началась уже с утра 27 февраля. Как уже отмечалось, организатором этого движения, в первую очередь, был А.Ф.Керенский. Работали в солдатской среде на улицах и те, до кого Керенский сумел дозвониться с просьбой вести солдат к Таврическому дворцу, и те, кто не смог получить от Керенского это поручение 27 февраля, но имел с ним или с другими депутатами Государственной думы соответствующие предварительные договоренности. Кроме этого, нельзя не учитывать и поступки отдельных людей, действовавших спонтанно под влиянием революционного момента и в пользу того, чтобы превратить Думу в центр революции, создав ее штаб в Таврическом дворце.

Одним из тех, кто оказался на улице среди солдат и пытался ими руководить, был меньшевик Н.И.Иорданский, имевший контакты с левыми депутатами и считавший, что Государственная дума должна быть связана «с делом восставших солдат». Он утром, после 8 и до 11 часов, попытался оказать влияние на действия полуроты преобращенцев, находившейся на улице без командира. Но его советы восставшими солдатами приняты не были, т.к. у восставших уже был намечен определенный план. Мемуарист сделал важное замечание: он писал, что волынцы и преобращенцы «собираются идти в Государственную Думу».¹⁹

Депутат Думы В.Н.Львов вспоминал, что утром 27 февраля он был разбужен криками, раздававшимися с улицы. Это было в 8 часов утра. Он выглянул в окно и увидел «массы солдат, шедших с ружьями по Захарьевской улице в сторону Литейного проспекта». Львов вспоминал: «Я тотчас понял в чем дело, быстро оделся и разбудил офицера, ночевавшего у меня. Он посмотрел в окно, схватил шашку и размахивая ею вскричал: “Я поведу солдат во дворец и переворот свершится!”».²⁰ Никаких попыток остановить офицера В.Н.Львов не предпринял. Может быть именно такого поведения от него Львов и ожидал. Вполне возможно, что этот гвардейский офицер действительно попытался направить солдат к Таврическому дворцу.

Несомненно, что таких лиц в те дни на улицах Петрограда действовало достаточно много. Считается, что офицеров солдаты слушались плохо, не верили им. Так, В.Б.Станкевич, узнав по телефону из Государственной думы о происшедших событиях и, в частности, о том, что восставшие волынцы устремились к Преображенским казармам, где был расположен его батальон, срочно направился туда же. Но услышав о расправе над некоторыми офицерами-преобращенцами, Станкевич, по его собственным словам, «смутился» и отправился в школу прапорщиков, располагавшуюся на Кировской улице. Отсюда он попытался дозвониться в батальон и в Государственную думу. Но ему этого сделать не удалось. Тогда Станкевич вышел из школы и, как он сам вспоминал, «пробовал убеждать солдат идти к Таврическому дворцу». Мемуарист с горечью заметил: «Но мои слова были встречены недоверием: “Не заманивает ли в западню”». Вполне возможно, Станкевич действовал осознанно и выполнял установки, которые были предварительно обговорены, но, если верить его словам, не были утверждены. Станкевич писал, что непосредственно перед 27 февраля 1917 г. он разговаривал с М.Н.Петровым, который «стал говорить о необходимости военного выступления против правительства». Именно Петров предложил Станкевичу «собрать офицеров и убедить их подписать резолюцию о подчинении батальона Государственной думе». Станкевич, по совету Петрова, переговорил по этому вопросу с трудовиком М.Н.Березиным, который должен был связать его с Президиумом Государственной думы для выяснения необходимости такого шага. Березин обещал Станкевичу выяснить все к 6 часам вечера 27 февраля.²¹ Но события опередили их. Здесь интересно упоминание о Петрове как о работавшем в офицерской среде и о Березине как связном между офицерами и Президиумом Государственной думы. Скорее всего, речь шла не о Президиуме Думы, а о вполне определенных и влиятельных депутатах из

числа трудовиков. В качестве кандидата на роль организатора движения в войсках лучше всего подходил А.Ф.Керенский, который, как известно, был членом Совета старейшин Государственной думы.²²

И даже не получив санкции от думских лидеров, Станкевич действовал так, как было обговорено с трудовиками Петровым и Березиным. Но действовал Станкевич неудачно. Этот единичный факт был положен в основу следующего утверждения исследователя: «Бросалось в глаза отсутствие руководителей выступления и даже лозунгов».²³ Здесь не все так просто, как кажется. Вопрос состоял в том, что прежде чем начать руководить вспыхнувшим стихийным восстанием солдат, этих солдат необходимо было организовать, а для этого их следовало подчинить революционному центру, складывавшемуся в Государственной думе. Именно этим с меньшим или большим успехом занимались многие лица.

Имеется немало свидетельств успешной работы среди солдат на улицах Петрограда, причем число таких свидетельств было значительно больше, чем единичных фактов неуспеха Станкевича и некоторых его коллег. По свидетельству депутата А.И.Рыслева, непосредственное участие в руководстве движением на улицах Петрограда приняли внедумские трудовики Бельский и Войцеховский, которые поддерживали связь с Государственной думой.²⁴

Работавший в тесном контакте с А.Ф.Керенским, член ЦК партии энесов В.И.Чарнолуцкий тоже оказался среди тех, кто выступил утром 27 февраля организатором движения небольшого отряда восставших солдат к Таврическому дворцу. Чарнолуцкий вспоминал: «У начала Б. Сампсониевского проспекта скопилась уже большая вооруженная толпа. Я слез с извозчика и вмешался в толпу». Заметив автомобиль, Чарнолуцкий заявил шоферу, что ему необходимо в Таврический дворец. Мемуарист продолжал: «Передо мной сейчас же раскрылись дверцы автомобиля, весь он и внутри, и снаружи немедленно же ошетинился штыками солдатской охраны, и мы быстро двинулись, напутствуемые заботливыми предостережениями, как лучше предохранить себя от обстрела контрреволюционных пулеметов».²⁵ Чарнолуцкий не ставил своей целью привести солдат в Государственную думу. Но он невольно оказался во главе отряда солдат, который, охраняя его, прибыл в район Таврического дворца.

Вольноопределяющийся воздухоплавательной части присяжный поверенный Б.Г.Сергиев вспоминал, что, выйдя из дома около 11 часов утра 27 февраля на Кировскую улицу, увидел, что «вся улица буквально кишела солдатами, как муравейник». Он отметил, что среди солдат не было ни одного офицера, и поэтому солдаты «в нерешительности толкались на месте». Поняв, что началась «военная революция», Сергиев тут же вступил в разговоры с солдатами и выяснил, что «недовольство среди них создано из-за недостатка продовольствия, а особенно обострилось и прорвалось наружу после приглашения их на усмирение населения». Видимо, Сергиев беседовал с солдатами-волынцами. Во время этой беседы к нему подошел присяжный поверенный О.О.Грузенберг, который сообщил о роспуске Государственной думы. Солдаты, по словам Сергиева, тем временем «осадили Конный Жандармский Дивизион и отобрали у жандармов оружие,

а затем сняли юнкеров Саперного училища». Однако восставшим не удалось прорваться через заслон солдат Кексгольмского полка на Литейном проспекте, и они вернулись на Кировую. Как пишет Сергиев, среди солдат «почувствовался упадок настроения <...> видно было, что недостает у солдат инициативной силы, которая направила бы восстание в надлежащее русло». Именно эта неуверенность солдат и, возможно, разговор с Грузенбергом, заставили Сергиева предпринять решительный шаг. Он, «выйдя на середину улицы, начал направлять солдат к Думе, чтобы там создать настроение и найти для солдат руководителей среди левых фракций».²⁶ Солдаты его послушались и пошли к Таврическому дворцу.

Сумели привести в Государственную думу отряд солдат 2-го запасного саперного батальона его командиры-прапорщики. Один из этих прапорщиков был «очень неглупый, образованный в партийном отношении, с определенно большевистским уклоном».²⁷ К сожалению, не удалось установить, во-первых, действовали ли командиры отряда стихийно или под влиянием агитации, и, во-вторых, когда этот отряд саперов пришел к Таврическому дворцу.

Кроме солдат и рабочих, на улицах Петрограда оказались слушатели Военно-медицинской академии. Главная заслуга в этом принадлежала профессору В.А.Оппелю. Участник событий В.Г.Геров вспоминал: «27 февраля 1917 г., мы, слушатели 3 курса ВМА, слушали лекцию по хирургической патологии. Читает профессор Оппель — демократ. К нам в аудиторию доносятся звуки духовых оркестров, играют марш рабочих, народные мотивы, “Варшавянку” <...> слышатся одиночные выстрелы. Профессор Оппель прерывает лекцию. Мы выглядываем на улицу. Виден Литейный мост, сплошь запруженный народом <...> неожиданно раздается громкий голос профессора: “Коллеги, революция не только стучится в дверь, а она в полном своем разгаре. Примем в ней непосредственное участие и внесем свой вклад в ее преуспевание”. Мощное “Ура!” сотрясает аудиторию. Все мы вскакиваем с мест, на руках выносим профессора».²⁸ Выйдя на улицу, слушатели ВМА активно включились в происходящие события, часть из них устремилась к Государственной думе. Не исключено, что и в этом случае важную роль организатора сыграл В.А.Оппель.

Исследователи считают, что крайне важной для направления восставших в Таврический дворец стала позиция десяти членов Рабочей группы при ЦВПК, освобожденных из «Крестов». В.И.Старцев пишет, что К.А.Гвоздев, Г.Е.Бройдо и другие выступили перед рабочими и солдатами с призывом «вернуться обратно и пойти на Шпалерную улицу к Таврическому дворцу, чтобы продемонстрировать свою поддержку народному представительству, Государственной думе». Толпа послушалась и повернула обратно. Старцев подчеркивает: «Вот первый настоящий пример внесения организованности в стихийные действия масс. И он принадлежал меньшевикам-оборонцам».²⁹ Призыв их нашел отклик и среди солдат, принимавших участие в штурме «Крестов», т.к. стало известно, что «туда же отправилась солдатская делегация».³⁰ Но все было не совсем так, как пишет Старцев.

Для установления более точной картины происходивших событий сначала необходимо выяснить, когда была взята Выборгская одиночная тюрьма

«Кресты». По свидетельству Т.И.Кирпичникова, «Кресты» были взяты после 12 часов дня.³¹ Ю.С.Токарев пишет, что освобождение повстанцами заключенных из «Крестов» произошло «около полудня».³² Рабочий Ф.А.Лемешев, находившийся в заключении в «Крестах», вспоминал, что около часа дня услышал «выстрелы и шум у тюрьмы». После некоторого сопротивления «охрана тюрьмы сдалась».³³ Т.е., если верить Лемешеву, тюрьма была взята сразу после часа дня. И.П.Лейберов указывает, что «Кресты» были окружены рабочими и солдатами только к часу дня. Тюрьма была взята после того, как было сломлено сопротивление охраны.³⁴ В.И.Старцев считает, что «Кресты» были захвачены днем 27 февраля, а к 2 часам дня освобожденные из «Крестов» члены Рабочей группы при ЦВПК уже были в Таврическом дворце.³⁵ Таким образом, в мемуарной и исследовательской литературе преобладает мнение о том, что «Кресты» были взяты до 2 часов дня. Тем не менее бундовец М.Рафес вспоминал, что его освободили из тюрьмы только в 2 часа дня.³⁶ Тут необходимо учитывать, что между взятием тюрьмы и освобождением заключенных прошло некоторое время, т.к., во-первых, последних в ней было около 2400 человек, и, во-вторых, освобождали первоначально по спискам только политических. После освобождения состоялся митинг и т.д. Что касается движения солдат к Государственной думе, то к этому времени оно продолжалось уже несколько часов. Таким образом, «гвоздевы» не были его инициаторами, а действовали лишь вслед начавшемуся движению. Возможно, они получили необходимые рекомендации от ЦВПК или из Государственной думы по телефону.

Точно так же приходится рассматривать утверждение Г.Л.Соболева, который пишет, что «инициатива в овладении стихийным солдатским восстанием <...> принадлежала Временному исполнительному Совету рабочих депутатов». В качестве доказательства своего суждения он, в частности, ссылается на обращение Временного исполкома Совета с призывом ко «всем перешедшим на сторону народа войскам избрать своих представителей по одному на каждую роту» и направить их в Таврический дворец.³⁷ Заметим, что образование Временного исполкома Совета рабочих депутатов произошло днем 27 февраля, а организация движения восставших солдат к Таврическому дворцу шла с утра этого же дня.

И если участие Совета 27 февраля в руководстве солдатского восстания сомнительно, то работа ЦВПК в этом направлении выступала более явно. Можно утверждать, что в дни Февральской революции на базе ЦВПК сложилась вспомогательная думская структура, обслуживавшая интересы штаба восстания в Государственной думе. Этот вспомогательный штаб располагался в помещении Центрального военно-промышленного комитета на Литейном проспекте, д.46 («штаб ЦВПК»). Сюда днем, после 2 часов, заходил только что освобожденный народом из «Крестов» М.Рафес, видимо, с целью получения информации или инструкций, после чего он и отправился в Таврический дворец.³⁸

Можно предположить, что ЦВПК имел какое-то отношение к взятию восставшими солдатами Главного артиллерийского управления (Литейный пр., д.3). По крайней мере, во время захвата его солдатами присутствовали председатель ЦВПК А.И.Гучков и другой видный деятель ЦВПК,

М.И.Терещенко, которых, видимо, более всего беспокоила судьба начальника ГАУ А.А.Маниковского.³⁹ Возможно, что установив в здании ГАУ порядок, Гучков и Терещенко провели какие-то переговоры с Маниковским. Буквально часом позже его кандидатура в качестве военного диктатора будет предложена Н.В.Некрасовым в ходе Частного совещания членов Государственной думы в Полуциркульном зале Таврического дворца.⁴⁰

Не исключена возможность и того, что ЦВПК выступил одним из организаторов направления восставших солдат к Таврическому дворцу. Для этого у ЦВПК были организационно-технические возможности: мощный аппарат, включая хорошо подготовленные кадры, связь и транспорт. По крайней мере, В.А.Оболенский писал, что один из участников штаба пользовался автомобилем «Союза городов».⁴¹ Н.И.Иорданский утверждал, что управляющий делами Военно-промышленного комитета барон Г.Х.Майдель предоставил 27 февраля в распоряжение освобожденного из «Крестов» Гвоздева автомобиль.⁴² М.Рафес рассказывал, что после двух часов дня с грузовика, двигавшегося по набережной реки Невы, «все время отдельные лица непрерывно кричат, обращаясь к толпе солдат и публики: “Идите в Таврический дворец”. “Идите в Гос[ударственную] Думу”». Всего мемуарист насчитал четыре грузовых автомобиля с вооруженными людьми. Важно упоминание Рафесом того факта, что среди находившихся в одном из грузовиков агитаторов были знакомые ему рабочие, с которыми он «встречался в рабочей группе военно-промышленного комитета».⁴³ Т.е., вполне логично предположить, что действиями этих агитационных групп руководил какой-то центр, возможно, что это и был ЦВПК.

Наиболее весомым для дальнейшего развития революции составляющим элементом восставших были солдаты. Поэтому крайне важен ответ на вопрос, имелись ли у солдат какие-либо веские основания послушаться агитаторов и двинуться к Таврическому дворцу? Укажем, что восставшие солдаты еще с утра 27 февраля проявляли уважительное отношение к депутатам Государственной думы. Член Государственной думы А.И.Рыслев рассказывал, что беспрепятственно, при упоминании о своей депутатской принадлежности, проследовал на автомобиле в Таврический дворец И.В.Титов.⁴⁴ Относительно спокойно прошли к Таврическому дворцу депутаты Л.А.Зиновьев и Н.Н.Гучков. Меньше повезло В.А.Виноградову. Рыслев писал по этому поводу: «Остановили автомобиль, в котором ехал член Думы Виноградов. Остановили, потребовали отдать их распоряжение, когда же узнали, что едет член Думы, то сказали: “Членов Думы мы не трогаем, но нам необходим автомобиль, нужно подвозить патроны; оставьте шофера в автомобиле и предоставьте его нам; минут крайняя необходимость, и мы вернем автомобиль”. Действительно, через некоторое время Виноградову позвонил шофер [и сообщил], что автомобиль, на котором были перевезены патроны, вслед за тем освобожден и находится дома».⁴⁵

Такое бережное отношение восставших солдат к депутатам Государственной думы может объясняться высокой степенью ее популярности в солдатской среде, а также их намерением встать под защиту Думы. Г.Л.Соболев пишет, что «для нарушивших присягу солдатских масс Государственная дума

стала тем “законным учреждением”, от которого они хотели получить одобрение своим действиям и распоряжения, как вести себя дальше».⁴⁶ Это, вероятно, сыграло важную роль в движении солдат к Таврическому дворцу. При этом, однако, нельзя не учитывать усилий тех, кто организовывал солдатскую массу в плане подчинения ее Государственной думе.

Укажем, что 27 февраля необходимо особо выделить две волны восставших, устремившихся к Государственной думе. Появление первой из них у Таврического дворца произошло около часа дня, а второй — в 2 часа. По крайней мере, так следует из «Протокола событий» Февральской революции.⁴⁷

Около часа дня в Государственную думу пришла делегация от 25000 восставших солдат и студенты Военно-медицинской академии. Заметим, что в данном случае речь шла не о толпах восставших, а только о небольших группах солдат (делегации) и слушателей ВМА. Полки к Думе еще не пришли. Какую цель преследовали пришедшие? В «“Известиях” Комитета петроградских журналистов» сообщалось, что делегация явилась «для осведомления о позиции, занятой народными представителями».⁴⁸ По словам же Родзянко, делегаты от восставших солдат хотели узнать, «желает ли Государственная дума присоединиться к движению». Родзянко передал делегации постановление Совета старейшин Думы, в котором указывалось, что «основным лозунгом момента является упразднение старой власти и замена ее новой». В постановлении подчеркивалось, что в осуществлении этого Дума «примет живейшее участие, но для этого, прежде всего, необходимы порядок и спокойствие». Родзянко разъяснил делегатам, что «вопрос о личных кандидатурах пока еще не поставлен. Об этом говорить преждевременно».⁴⁹

Одновременно председатель Государственной думы вручил делегатам тексты телеграмм, отправленных царю в Ставку, начальнику Штаба генералу М.В.Алексееву и трем главнокомандующим фронтами.⁵⁰ В.И.Старцев, рассуждая о первой встрече восставших с Родзянко, замечает, что члены солдатской делегации «могли сделать вывод, что Дума требует только смены правительства».⁵¹ Однако постановление Совета старейшин говорило не о смене правительства, а о смене власти, причем это требование указывалось пока не как практическая мера, а как лозунг момента. Кстати, в провинциальной прессе слова Родзянко к солдатам были переданы именно так: «Дума сместит старую власть и создаст новую».⁵²

Определенный интерес представляет вопрос о том, кто конкретно вел переговоры с М.В.Родзянко, но персонально «возглавлял» делегацию. К сожалению, в отечественной историографии эти вопросы были только поставлены, но не решены, на что обращает внимание крупнейший историк революции В.И.Старцев.⁵³ Выскажем некоторые предположения.

Во втором часу дня приехали на автомобиле трудовики Бельский и Войцеховский, выступавшие в качестве руководителей восставших солдат и рабочих. По словам депутата А.И.Рыслева, они «обратились к большинству Думы с вопросом, «что намерена она теперь делать? Теперь Вы можете взять власть в свои руки. Теперь или никогда!»».⁵⁴

Тогда же появился в Таврическом дворце В.И.Чарнолуцкий. Он пришел во дворец во главе небольшого отряда солдат, который он называл

«автомобильной охраной». Чарнолусский вспоминал, что когда он пришел к Таврическому дворцу, то вокруг него «уже была публика», а на крыльце дворца «сидели графиня С.В.Панина и ее приятельница Петрункевич». Мемуарист продолжал: «Я потребовал вызвать ко мне немедленно же председателя думы Родзянко. Вскоре двери распахнулись, и показался Родзянко, за ним — Керенский, Некрасов, Милюков и другие. Я заявил: “Г[осподин] председатель госуд[арственной] думы, весь город находится во власти революционного народа и солдат, необходимо немедленно же низложить с престола династию Романовых, исключить из состава государственной думы всех депутатов правее кадетов и взять власть в руки думы”. Родзянко пытался было заявить, что не может допустить подобных заявлений; затем депутаты удалились».⁵⁵ Факт прихода Чарнолусского как представителя восставших солдат и рабочих подтверждал в своих мемуарах П.Н.Милюков. Он вспоминал: «Я стоял у главного входа и мимо меня, во главе небольшой группы, шествовал мой старый знакомец Чарнолусский. Он имел вид власть имущего, пришедшего сюда не зрителем, а участником; взгляд был напряженный и сосредоточенный, в руках он держал наперевес ружье».⁵⁶ В других своих воспоминаниях Милюков писал, что Чарнолусский пришел во главе группы интеллигентов.⁵⁷ На наш взгляд, Бельский, Войцеховский и Чарнолусский и являлись руководящими членами «солдатской делегации». Т.к. именно они, во-первых, привели часть восставших солдат к Таврическому дворцу; и, во-вторых, вступили в переговоры с представителями Государственной думы, выясняя ее позицию и выставляя определенные пожелания (требования). Кто возглавлял вторую часть делегации — слушателей ВМА — не известно. Возможно, что ее руководителем был профессор В.А.Оппель.

В два часа дня до Таврического дворца докатилась вторая волна восставших. Главное отличие ее состояло в том, что она представляла собой уже не отдельные группы солдат и публики, а тридцатитысячную толпу. Кто привел ее? Напомним, что главным инициатором прихода «мятежных войск к Думе» современники и исследователи называли А.Ф.Керенского.⁵⁸ Да и сам он рассказывал об этом в мемуарах.⁵⁹ Относительно конкретных руководителей этой акции сведений сохранилось немного. А.В.Тыркова-Вильямс отметила в дневнике, что первый отряд восставших солдат привел П.Н.Милюков: «Он пошел на улицу и привел солдат к Думе. Это было около 2-х часов».⁶⁰ С.П.Мельгунов указывает, ссылаясь на М.В.Чернова, что «первые три восставших полка, волынский, литовский и измайловский <...> были приведены к Гос[ударственной] Думе штатским прис[яжным] пов[еренным] Н.Д.Соколовым».⁶¹ Что касается Измайловского полка, то Мельгунов ошибается вслед за Черновым. Переход Запасного батальона Измайловского полка завершился к утру 28 февраля. Н.Н.Суханов в «Записках о революции» также указывал, что первые восставшие полки привел к Таврическому дворцу Н.Д.Соколов. Но он имел в виду только Волынский и Литовский полки. Эту информацию Суханов передавал со слов самого Соколова.⁶² Несколько иначе Суханов писал об этом же событии в своих воспоминаниях, посвященных непосредственно Соколову. В них речь, по крайней мере, уже не шла о

полках, а лишь о том, что Н.Д.Соколов возглавил восстание какого-то отряда солдат и привел его к Таврическому дворцу.⁶³ Вполне возможно, что в этот отряд входили солдаты Волынского и Литовского полков. А.В.Тыркова-Вильямс отметила, что среди восставших солдат у Таврического дворца был и взвод преображенцев, но кто его привел, она не сообщала.⁶⁴ Мельгунов также приводит дневниковые записки французской журналистки, которая писала, что «честь и слава привести революционную армию к Таврическому дворцу принадлежит близкой ее знакомой Соне Морозовой».⁶⁵

Добавим, что на формирование этой толпы, пришедшей к Таврическому дворцу, определенное влияние оказали усилия Б.Г.Сергиева, который продолжал и днем направлять сюда солдат. Около 3 часов дня (или даже несколько позже) в Таврический дворец приехал Г.С.Хрусталева-Носарь, вслед за которым от здания Судебных установлений, предположительно, пришла часть восставших солдат. Тогда же появились у Государственной думы солдаты и рабочие, пришедшие с Выборгской стороны после взятия «Крестов».

Итак, восставших солдат привели к Таврическому дворцу в 2 часа дня (или около того) П.Н.Милюков, Н.Д.Соколов и С.Морозова. Сыграли определенную роль в руководстве движением солдат к Думе Б.Г.Сергиев, а несколько позднее, Г.С.Хрусталева-Носарь и члены Рабочей группы при ЦВПК, освобожденные из «Крестов». Не исключена возможность того, что часть солдат была приведена своими офицерами, фамилии которых нам не известны. Среди них могли быть и лица, выполнявшие приказы (просьбы) А.Ф.Керенского.

2. Как восставшие «заняли» Государственную думу (день 27 февраля)

Еще до появления второй волны восставших солдат у Таврического дворца руководство Государственной думы предприняло определенные шаги, стремясь включить солдат в поле своего влияния. Около 2 часов дня стало известно, что новые толпы восставших солдат и рабочих идут к Государственной думе. Начальник военного караула по собственной инициативе, как вспоминал С.И.Шидловский 1-й, обратился к Родзянко с вопросом, «что ему делать, если толпа подойдет к Таврическому дворцу и попытается проникнуть в него?».⁶⁶ Родзянко «вызвал начальника охраны Таврического дворца, которому отдал приказ, чтобы находящийся в здании дворца военный караул не оказывал бы сопротивления и не пускал бы в ход оружия».⁶⁷ Начальником охраны был генерал-майор барон В.Ф.Остен-Сакен, который, по свидетельству А.И.Гессена, подчинился этому приказу, но спешить с его выполнением, судя по всему, не стал.⁶⁸ Подтверждением этому служит то, что приказ Родзянко был доведен до начальника караула при Таврическом дворце прапорщика 86-й пехотной Вологодской дружины М.К.Медведева депутатом М.А.Карауловым, а не Остен-Сакеном. Медведев в мае 1917 г. вспоминал содержание приказа: «<...> охранять и поддерживать порядок словами убеждения, и не прибегать ни в каком случае к действию оружием».⁶⁹ Заметим, что в подчине-

нии Остен-Сакена состояли также городовые, прикомандированные к наружной охране Таврического дворца. Нам не известно, был ли доведен до них приказ Родзянко. В любом случае, Родзянко подготовил условия для введения восставших солдат в Таврический дворец.

Тридцатитысячная толпа восставших солдат и рабочих, пришедшая к Государственной думе в 2 часа дня, натолкнулась на нежелание охраны Таврического дворца пропустить ее внутрь здания. Караул, как писал позднее его начальник прапорщик М.К.Медведев, в точности исполнял указание М.В.Родзянко и оружие против подошедших ко дворцу не применял.⁷⁰

Нам удалось вывить три версии дальнейших событий. Первая (и самая неправдоподобная!) нашла отражение в воспоминаниях А.А.Бормана. Он вспоминал: «Решетчатые ворота дворца были закрыты. По ту сторону ворот стоял сторож в форме. Кругом все было тихо. При нас к воротам подошла рота, а может быть полурота, л.г. Литовского полка <...> Офицеров при роте не было, но солдаты держали строй. Рослые гвардейцы растерялись перед закрытыми воротами и не знали, что дальше делать. Так продолжалось несколько минут, пока откуда-то не появился небольшого роста еврей в широкой шляпе». Далее, по словам Бормана, этот «маленький штатский» потребовал от сторожа «именем революционного народа» открыть ворота. «Его требование, — продолжал мемуарист, — было удовлетворено и <...> солдаты начали входить в полукруглый палисадник Таврического Дворца, а потом и в самое здание Дворца».⁷¹ Т.е., здесь мы видим относительно небольшой отряд солдат, который при занятии Таврического дворца не встретил серьезного препятствия, кроме закрытых ворот и сторожа. Кстати, вокруг дворца, по словам Бормана, не было даже никакой публики — «кругом все было тихо».

Вторая версия представлена в воспоминаниях трех депутатов Думы. Согласно А.И.Рыслеву: «Подойдя к Таврическому Дворцу, революционные войска сняли наружный караул <...> Караульного начальника, вступившего в пререкания, ранили ружейной пулей и поставили свою охрану. Раненого караульного начальника на руках внесли через Главный подъезд в Таврический Дворец, где во врачебном кабинете ему была оказана помощь».⁷² С.П.Мансырев вспоминал: «<...> передовой отряд солдат подошел к Думе и потребовал от караула перед крыльцом оставления поста; начальник караула, не согласившийся исполнить требование, тяжело ранен и отнесен в приемный покой».⁷³ С.И.Шидловский 1-й писал, как начальник караула был на его глазах «застрелен почти в упор каким-то подростком из солдатской винтовки». Шидловского можно понять так, что в начальника караула стреляли за стенами Думы — «обгадили кровью ступени Таврического дворца».⁷⁴

Третья версия, впоследствии принятая руководством Думы в качестве официальной, нашла отражение в «Протоколе событий» Февральской революции и в мемуарах Н.В.Савича. Делегация от восставших прошла в караульное помещение, где начальник караула Медведев, как вспоминал думец Н.В.Савич, «вступил в переговоры с субъектом (в штатском — А.Н.), командовавшим мятежниками». Переговоры продолжались недолго: штатский «внезапно выхватил револьвер и выстрелил в живот несча-

стного прапорщика. Тот упал и вскоре умер в думской амбулатории».⁷⁵ В «Протоколе...» говорится, что стрельба в Медведева была произведена в караульном помещении «кем-то из толпы». Стрельба была вызвана тем, что караульный начальник отказался «по долгу службы, покинуть свой пост». В «Протоколе...», правда, утверждалось, что Медведев был тяжело ранен,⁷⁶ а не убит, как писал Савич.

На наш взгляд, конфликт, возникший между караулом и восставшими, произошел в тот момент, когда толпа еще не преодолела ограды Таврического дворца. В.А.Оболенский вспоминал, что сначала толпа накапливалась на Шпалерной улице, за решеткой.⁷⁷ Давление на караул Таврического дворца усиливалось. В конце концов, толпа предприняла попытку разоружить караул. По свидетельству Б.Г.Сергиева, офицеры, находившиеся в охране, «не пожелали добровольно сдать оружие, причем один из них, выстрелом в упор солдата, убил его». Сергиев принимал участие в переноске тела убитого солдата «в перевязочный пункт при Городских водопроводах, находившийся как раз против Таврического Дворца».⁷⁸ По опубликованному «Списку убитых и раненых в дни революции» установить погибшего не удалось.⁷⁹ Б.А.Энгельгардт, появившийся в Таврическом дворце поздно вечером 27 февраля, вспоминал, что в «Круглом зале» он увидел «труп солдата в форме Семеновского полка, с пулевой раной во лбу».⁸⁰ Возможно, что это был тот самый солдат, об убийстве которого писал Сергиев. Можно предположить, что тело убитого было перенесено из медицинского пункта Водоканки обратно в Таврический дворец.

Кто стрелял в солдата, установить не удалось. Возможно, что выстрел был произведен кем-нибудь из полицейских, прикомандированных к наружной охране Таврического дворца. Но именно этот выстрел и привел к тому, что какой-то подросток в ответ несколько раз выстрелил в начальника караула Медведева, в результате чего тот получил ранения в грудь и правую руку.⁸¹

Только после ранения начальника караула к восставшим вышли члены Думы. Об этом, в частности, вспоминал Сергиев.⁸² Депутаты Думы из числа врачей оказали первую помощь раненому, а затем он был доставлен на автомобиле депутата графа А.А.Орлова-Давыдова в Мариинскую больницу.⁸³ Депутаты А.Ф.Керенский, М.И.Скобелев и Н.С.Чхеидзе выступили перед восставшими с речами.⁸⁴

Скобелев вспоминал: «Мы трое по очереди обращаемся с краткими речами в ответ на гулом несущиеся вопросы: “Где новая власть? Где новое правительство?”».⁸⁵ Рафес рассказывал: «Скобелев, став у решетки дворца, произнес краткую речь перед толпившимися на улице массами. Он сказал, приблизительно, следующее: “Старая власть падает <...> Она еще сопротивляется <...> Сейчас происходит заседание Гос[ударственной] Думы. Члены Гос[ударственной] Думы еще колеблются. Они не решаются взять власть в свои руки. Мы оказываем на них давление. Имейте, товарищи, в виду, что устроить государство очень трудно; трудно составить новое правительство, крайне трудно <...> Это может затянуться день, другой. Имейте терпение, раньше всего нужно установить революционный порядок”».⁸⁶ А.В.Тыркова-Вильямс в своем дневнике под-

твердила факт выступления Скобелева перед солдатами. Она писала: «Скобелев призывал к сдержанности и порядку взвод преображенцев».⁸⁷ Н.С.Чхеидзе, в ответ на просьбу солдат и вооруженных рабочих дать руководителей, призывал восставших к организации.⁸⁸ Керенский произнес пламенную речь, в которой, в частности, заявил: «Солдаты, Гос[ударственная] Дума с вами!».⁸⁹ Подчеркнем, что, несмотря на конфликт, который закончился перестрелкой с человеческими жертвами, толпа еще оставалась за оградой Таврического дворца.

Возвращаясь к версиям ранения начальника караула, заметим, что главное их различие состоит в указании места, где оно произошло — внутри помещения Думы или за ее стенами. Если начальник караула был ранен в караульном помещении, то тогда захват Таврического дворца начался еще до появления депутатов перед восставшими. И наоборот: депутаты появились перед толпой восставших еще до проникновения последних в Таврический дворец и сыграли какую-то роль в том, что восставшие, в конце концов, заняли Таврический дворец. В связи с этим встает вопрос о руководителях восставших у Таврического дворца. Обратимся к ««Известиям» Комитета петроградских журналистов» — единственной газете, вышедшей 27 февраля в Петрограде. Она писала: «Лица, руководившие восставшими солдатами, сняв караул у Таврического дворца, приняв охрану Гос[ударственной] Думы на себя, заняли почту и телеграф в здании Гос[ударственной] Думы и поставили часовых у телефонных аппаратов».⁹⁰ Кроме этого, была обезоружена смена караула, шедшая в Государственную думу.⁹¹

Кто были эти руководители восставших солдат? Логично было бы предположить, что ими руководили те лица, которые их и привели к Таврическому дворцу. Но здесь речь уже идет не о тех, кто привел солдат, а о тех, кто перенял у них руководство восставшими и направил энергию солдатской толпы на занятие Таврического дворца. По сведениям газеты «Русское слово», восставшими солдатами при захвате Думы руководил Чхеидзе.⁹² Однако утверждение вызывает сомнение, т.к. публикация в «Русском слове» является перепечаткой материалов ««Известий» Комитета петроградских журналистов» от 27 февраля. Но в «Известиях» говорилось о руководителях восставших без упоминаний фамилий. М.И.Скобелев вспоминал, что первыми руководителями восставших были, кроме него, еще Н.С.Чхеидзе и А.Ф.Керенский. Мемуарист писал: «<...> здесь же немедленно было организовано нами несколько взводов вооруженных солдат, которыми мы сменили старый караул Государственной думы. Караул без сопротивления уступил свои места новой революционной охране».⁹³ В.И.Чарнолуцкий утверждал, что собственноручно установил в Таврическом дворце «первый революционный караул». Начальником этого караула он поставил какого-то унтер-офицера.⁹⁴ Вместе с тем, есть свидетельства современников, которые позволяют говорить, что при занятии Таврического дворца важнейшую роль сыграл, все-таки, А.Ф.Керенский. М.Рафес по этому поводу писал: «На моих глазах Керенский взял небольшой отряд солдат и стал наводить <...> порядок: он расставил первые караулы».⁹⁵ Думец

В.В.Шульгин вспоминал, что Керенский назначил из солдат, «поползших на крыльцо Таврического дворца», «первый революционный караул».⁹⁶ Депутат П.В.Герасимов писал, что Керенский ввел войска, стоявшие за оградой, во двор Таврического дворца и назначил «первый почетный караул» у Государственной думы «от свободного русского народа».⁹⁷ Укажем, что в воспоминаниях Шульгина и Герасимова есть существенная разница: одно дело назначить караул из восставших, когда они уже вошли на крыльцо (Шульгин), и другое дело — сдать Таврический дворец, когда революционная толпа находилась еще за его оградой (Герасимов). Видимо, Герасимов был ближе к истине.

Позднее Керенский неоднократно говорил о том, что сам привел революционные войска в Думу. Так, 26 марта 1917 г. на заседании солдатской секции Петроградского Совета Керенский заявил: «Завтра, 27 марта, ровно месяц исполняется с того момента, как я ввел первую часть революционных войск в Таврический дворец и поставил почетный караул».⁹⁸ Более подробно Керенский говорил о вводе войск в Думу от ограды дворца в своих мемуарах.⁹⁹

О том, что «у входа в Таврический дворец некоторое время стояли только почетные часовые, выставленные А.Ф.Керенским из числа солдат, явившихся к нему, как первому защитнику трудящегося класса страны», писал сотрудник газеты «Речь», а затем комендант Таврического дворца полковник Г.Г.Перетц.¹⁰⁰ Что касается военного караула из числа солдат 86-й пешей Вологодской дружины и городских наружной охраны, то они перешли на сторону восставших.¹⁰¹ Таврический дворец был занят после 2 и до 3 часов дня.¹⁰²

Таким образом, М.В.Родзянко, А.Ф.Керенский и М.А.Караулов своими действиями подготовили Таврический дворец к занятию его восставшими солдатами. А несколько позднее А.Ф.Керенский сыграл главную роль в ликвидации старой охраны Таврического дворца и передаче ее караулу, состоявшему из солдат восставших полков. Занятие восставшими Таврического дворца было следующим шагом на пути подчинения их Государственной думе.

3. Первые мероприятия «штаба Керенского» (день-вечер 27 февраля)

Концентрация в Таврическом дворце толп восставших солдат и рабочих создавала предпосылку для организации более планомерного натиска на военно-полицейские пункты в Петрограде. Этой работой занимался Керенский и лица, группировавшиеся вокруг него. Иначе говоря, организационно-техническую работу по развитию успеха восстания взял на себя «штаб Керенского».

Первой насущной задачей для Керенского стала организация охраны здания Таврического дворца. Но наладить ее оказалось трудно. В.И.Старцев утверждает, что караул, выставленный Керенским, продержался всего «несколько минут».¹⁰³ Эти слова исследователя подтверждаются воспоминаниями современников. Шульгин и Перетц писали о том, что «почетные часовые» долго не простояли.¹⁰⁴ Б.Г.Сергиев, пришедший в Государствен-

ную думу около 4 часов дня, заметил, что «караула никакого не было, и народ свободно проникал в здание». Тогда он вручил Керенскому свою визитную карточку и «спросил разрешения взять в свои руки караулы». Получив его, Сергиев «стал набирать солдат из прибывших частей для охраны». В организации охраны дворца принимали участие помощник присяжного поверенного А.И.Гидони и профессор В.В.Святловский.¹⁰⁵

Руководители восставших войск установили не только внешнюю охрану Таврического дворца, но и внутренние караулы. Чернолуцкий, например, вспоминал, как он поставил ко всем телефонам в Думе, «доступным общественному пользованию», часовых, «допускавших переговоры только по делам революции».¹⁰⁶ Оболенский, правда, рассказывал, что 27 февраля солдатский караул под командой «пьяного унтер-офицера» был установлен только у трех телефонов. Такое ограничение было организовано представителями околотумских кругов, которые не хотели лишиться возможности телефонного сообщения и не объяснили командиру караула, что в Таврическом дворце телефонов было значительно больше.¹⁰⁷ В дальнейшем контроль над телефонами взяли студенты, которые создали своеобразный «телефонный комитет». К.Анет вспоминал, что студенты так и не дали ему позвонить по телефону, объяснив, что аппараты предназначены «для народных дел».¹⁰⁸ На телеграфе в Таврическом дворце было установлено дежурство членов Государственной думы. 27-28 февраля здесь бесменно дежурил депутат И.М.Гамов.¹⁰⁹

Также предпринимались меры по охране всего района Таврического дворца. По свидетельству Рафеса, были отданы распоряжения об установлении караулов «у подступов к Таврическому дворцу на случай, если бы сюда двинулись большие вооруженные силы».¹¹⁰ Чернолуцкий утверждал, что охрану вокруг Таврического дворца выставил он сам.¹¹¹

Одним из важных пунктов была Петроградская водокачка, с которой можно было обстреливать весь район Таврического дворца. Ее захват стал одним из первых мероприятий по очистке района от войск, сохранивших верность царскому режиму. Напомним, что сюда, в медицинский пункт, был отнесен солдат, убитый кем-то из охраны Таврического дворца. Видимо, тогда и выяснилось, что на башне «засели вооруженные люди и стреляют». Рафес вспоминал, что «туда немедленно был направлен отряд солдат для проверки на месте этого сообщения и уничтожения, в случае правдивости, этого гнезда».¹¹² Отряд, который занял Петроградскую водокачку, возглавлял Чернолуцкий.¹¹³

Крайне важной оставалась проблема организации перехода войск на сторону восставших. В связи с этим, интерес представляет инициатива, высказанная Керенским в 2 часа 57 минут дня на Частном совещании членов Думы. Он обратился к присутствовавшим «с просьбой уполномочить его вместе с Чхеидзе ехать на автомобиле по всем восставшим войскам, чтобы объявить им поддержку и солидарность Государственной думы».¹¹⁴ Не найдя у большинства присутствовавших поддержки своему предложению объехать на автомобиле восставшие войска, Керенский покинул совещание. Не исключено, что он предпринял шаги для установления связи Государственной думы с войсками. Действительно, если

верить воспоминаниям Б.Г.Сергиева, то именно А.Ф.Керенский, М.В.Родзянко и М.А.Караулов направляли отряды солдат и вооруженных рабочих «в разные части города для вызова еще не восставших воинских частей».¹¹⁵ Заметим, что информация о деятельности Родзянко еще некоторое время после 3 часов дня 27 февраля из Министерского павильона Таврического дворца сообщалась членам царского правительства. Судя по воспоминаниям Н.Н.Покровского, Родзянко характеризовался в этих телефонных сообщениях как руководитель революции, чему царские министры не хотели верить.¹¹⁶ А.Д.Протопопов, видимо, имел более полное представление о роли Родзянко в революции и вечером 27 февраля настаивал на его аресте.¹¹⁷

События 27 февраля также остро поставили перед думцами и три других проблемы – создание опорных пунктов восставших в различных частях города, борьбу с военно-полицейскими силами, оставшимися еще верными царскому правительству, а также обеспечение восставших боеприпасами и оружием.

Чернолуцкий утверждал, что он сам «организовал во дворе дворца собрание всех находившихся вблизи студентов и курсисток и сделал им сейчас же принятое ими предложение: разбиться по учебным заведениям и немедленно отправиться всем в свои районы для организации на местах революционной охраны».¹¹⁸ Благодаря его шагам, высшие учебные заведения уже со второй половины дня – вечером 27 февраля стали превращаться в местные опорные пункты революции.

Из воспоминаний современников и участников событий известно, что были составлены отряды из солдат и штатских, которые направлялись «в город в такие места, где можно было ждать вооруженного столкновения». Рафес, например, вспоминал, что он оказывал помощь в работе по организации таких отрядов, которую проводил Ф.Ф.Линде. Кроме этого, сам Рафес возглавил один отряд солдат и отправился с ним на разведку.¹¹⁹ Однако он не указал тех лиц, кто непосредственно отдал приказ о формировании отрядов. Но уже выше мы приводили свидетельство Б.Г.Сергиева о том, что приказы о создании отрядов отдавали Родзянко, Караулов и Керенский.

В Государственную думу поступали сведения о складах оружия. Так, один из членов «штаба Керенского», видимо, П.И.Пальчинский, записал донесение: «Знаменская, дом 3 или 5, имеются пулеметы с лентами. Никем не охраняется».¹²⁰ По этому адресу был направлен отряд рабочих и солдат на двух грузовых автомобилях. Прибыв на место в 7 часов вечера, повстанцы выяснили, что здесь (ул. Знаменская, д. 3/5) находится военный склад Запасного автобронедивизиона. И.П.Лейберов пишет: «Сняв караул и взломав двери, повстанцы погрузили на грузовики хранившиеся в ящиках пулеметы “максим”, ленты к ним, револьверы системы “наган” и “браунинг”. У склада был выставлен революционный караул. В течение вечера и ночи со склада было изъято 97 пулеметов с лентами и около тысячи револьверов. Развезенные на грузовых автомобилях, пулеметы пошли на вооружение боевых рабочих и солдатских дружин».¹²¹ О том, что с этого склада «одних пулеметов вывезли не менее

100», рассказывал сотрудник ВК ВКГД студент Технологического института. Вполне возможно, этот отряд был сформирован и направлен для захвата склада А.Ф.Керенским и Н.С.Чхеидзе.¹²²

Таким образом, можно говорить о некоей организационной структуре (назовем ее условно «штабом Керенского»), действовавшей в Таврическом дворце и способной не только принимать поступавшие в Думу сообщения, но и оперативно и успешно на них реагировать. Причем этот «штаб» начал действовать после того, как восставшие «заняли» Таврический дворец.

Постепенно перед Керенским обрисовался круг целей и задач, которые необходимо было решить в условиях начавшегося восстания солдат. Он вспоминал: «В Думе мы <...> учредили центральный орган для осуществления контроля над действиями войск и восставших». Керенский уточнял, что этим центральным органом являлась Военная комиссия. Он писал: «Перед нами, прежде всего, встали проблемы организации, на случай крайней необходимости, системы обороны и руководства петроградским гарнизоном. <...> В задачу Комиссии входило руководство операциями против протопоповской полиции, которая все еще оказывала сопротивление революции». В этих воспоминаниях для нас крайне важно указание Керенского на то, что «центральный орган для осуществления контроля над действиями войск и восставших» был учрежден в Думе, т.е. инициатором создания такого органа выступила Государственная дума. О думском приоритете в вопросе о создании Военной комиссии сообщала тогдашняя пресса. «Солдатское слово» писало, что «с первых дней революции при Комитете Государственной думы образовалась Военная комиссия, которая работала в соответствии с указанием этого Комитета и в согласованности с Исполнительным комитетом рабочих и солдатских депутатов».¹²³

Относительно времени создания «центрального органа» (думской Военной комиссии) в мемуарах Керенского есть вполне определенные указания: «В момент формирования комиссии к зданию Думы подошел 1-й резервный пехотный полк. Он был первым воинским подразделением, которое явилось в полном составе во главе с полковником и другими офицерами».¹²⁴ Речь здесь шла о 1-м запасном пехотном полке.

По нашему мнению, полк подошел к Таврическому дворцу до 7 часов вечера 27 февраля.¹²⁵ Т.е., к 7 часам вечера 27 февраля та Военная комиссия, о которой вспоминал А.Ф.Керенский, подчеркивая ее думское происхождение, уже была создана.

Судя по всему, именно в это время на организацию деятельности «штаба Керенского» повлияло совещание членов Государственной думы, проходившее под руководством депутата М.М.Ичаса. Он вспоминал: «Вечером я взял на себя инициативу и созвал членов Думы на совещание. Явилось свыше 150 членов Думы. У меня была уже разработана схема, и почти без всякого выбора мы составили целый ряд комиссий». Одной из них была Военная комиссия.¹²⁶ Решающей предпосылкой преобразования «штаба» в Военную комиссию стал переход на сторону революции и подчинение Государственной думе 1-го запасного пехотного полка. До этого «штаб» был вынужден опираться в своих действиях на отряды солдат, сформированные наспех, которыми руководили командиры-добровольцы. Теперь же Военная комис-

сия получила в свое распоряжение свыше 200 офицеров и 12 тысяч солдат 1-го запасного полка.¹²⁷ Таким образом, Частное совещание членов Государственной думы институализировало Военную комиссию, которая пришла на смену «штабу Керенского». С этого момента можно говорить о существовании думской Военной комиссии как органа руководства восстанием.

В своих воспоминаниях А.Ф.Керенский, кратко говоря о составе Комиссии, подчеркивал, что «в тот первый день <...> в нашем распоряжении практически не было офицеров или людей с соответствующими специальными знаниями», и в нее «первоначально вошли несколько штатских, обладающих хоть какими-то познаниями в военном деле, горстка офицеров и рядовых, а также Родзянко и я».¹²⁸ Видимо, офицеры и солдаты 1-го запасного полка в тот момент в состав Военной комиссии включены не были, т.к. Керенский стремился сохранить полк как боеспособную единицу для выполнения ответственных заданий. Заметим, что Керенский не пояснял, кто были эти «штатские»; ничего не говорил и об участии Совета в работах Военной комиссии.

Таким образом, если верить приведенным выше воспоминаниям, речь в них шла о думской Военной Комиссии, главными действующими лицами которой были А.Ф.Керенский и М.В.Родзянко. Последний не вспоминал о своей работе в комиссии 27 февраля 1917 г. Что касается А.Ф.Керенского, то существуют многочисленные свидетельства о его участии 27 февраля в Военной комиссии. Н.Н.Суханов писал: «В вестибюле (Таврического дворца — А.Н.), недалеко от входа, с левой стороны от него, стоял длинный стол, около которого толпились, наклонившись над ним, много людей, особенно военных. В центре их я увидел Керенского, отдававшего какие-то распоряжения. <...> Керенский здесь действовал в качестве члена Военной комиссии». Суханов вспоминал, что возглавлял Военную комиссию тоже Керенский.¹²⁹ М.В.Родзянко как члена Комиссии мемуарист не называл. О работе Керенского по организации военных сил вспоминал и В.В.Шульгин: «Какие-то группы вооруженных людей пробивались к нему сквозь человеческое месиво, залившее Думу, искали его, спрашивали, что делать, как «защитить свободу»».¹³⁰ Б.Г.Сергиев свидетельствовал, что приблизительно в 4 часа дня видел в Таврическом дворце Керенского, который «отдавал распоряжения».¹³¹ Авторы «хроники Февральской революции» Д.О.Заславский и В.А.Канторович также, говоря об А.Ф.Керенском, подчеркивали: «<...> он отдавал приказания солдатам, вокруг него создавался штаб».¹³²

Чем занимался «штаб Керенского» — думская Военная комиссия? Так, по свидетельству Н.Н.Суханова, еще до 7 часов вечера «вокзалы были заняты по распоряжению Военной комиссии воинскими частями» (хотя в действительности в полной мере этого сделано не было. Военная комиссия успела только отдать приказ о захвате вокзалов). Мемуарист продолжал: «О занятии других важнейших пунктов города говорили неопределенно, говорили, что распоряжение сделано, отряды посланы». Суханов также вспоминал, что несколько позднее 7 часов вечера А.Ф.Керенский пытался поручить ему занять Петроградское охранное отделение и обеспечить целостность его архивов. Причем Керенский, по словам Суханова, утверждал, что для реализации этой операции имеются необходимые силы: «<...> отряд

и перевозочные средства». Суханов отказался от поручения, «желая принять участие в работе политических центров революции, в Совете рабочих депутатов, члены которого уже понемногу стягивались в Таврический дворец». ¹³³ А.И.Рыслев, вспоминая о деятельности Керенского днем-вечером 27 февраля, утверждал, что тот выступил организатором четырех отрядов, которые получили приказание занять различные учреждения. К сожалению, Рыслев рассказал только о последнем из отрядов, который вечером 27 февраля по приказу Керенского был направлен для захвата Петроградского губернского жандармского управления. ¹³⁴ Депутат С.П.Мансырев вспоминал, что командир этого отряда («безногий поручик») говорил о Керенском как о руководителе революции. ¹³⁵

Некоторое отношение к работе Военной комиссии имел и П.Н.Милюков. Предположительно, благодаря Милюкову в состав Комиссии в качестве ее члена вечером 27 февраля вошел профессор Военно-медицинской академии В.А.Юревич. Н.Н.Суханов оказался невольным свидетелем разговора Юревича с Милюковым в Екатерининском зале Таврического дворца. Юревич говорил Милюкову: «Таврический дворец как центр революции нуждается в надежной охране и сплочении вокруг себя солдатской массы; соответствующие отряды могут и должны быть образованы именно из таких солдат, тяготеющих к Государственной думе, как к центру духовного сплочения, физического прибежища и безопасности». Важно следующее замечание Суханова: «Юревич требовал немедленных соответственных мер и предлагал себя в распоряжение тех, кто станет во главе дела». ¹³⁶ Этот разговор проходил между 7 и 9 часами вечера 27 февраля.

Существенную роль в организации действий восставших сыграл А.И.Гучков. Мы не можем согласиться с мнением В.И.Старцева, писавшего, что Гучков 27 февраля «занял выжидательную позицию» и что «лишь на следующее утро (28 февраля — А.Н.) он убедился в том, что, пожалуй, подавить “бунт” правительству теми силами, которые у него остались — а их практически и не было — не удастся. Тогда-то Гучков и поспешил в Думу, чтобы не опоздать». ¹³⁷ Гучков, как уже указывалось, был в Государственной думе с утра 27 февраля и принимал активное участие в событиях, которые разворачивались в думских верхах. Но этим его деятельность не ограничилась. Скорей всего, Гучков имел отношение к деятельности «штаба ЦВПК» по захвату здания ГАУ. Имеются и более веские свидетельства о деятельности Гучкова в дни революции. Гучков рассказывал о своей беседе с М.И.Занкевичем, проходившей в дни Февральской революции. Напомним, что Занкевич с июля 1916 г. был генерал-квартирмейстером Главного управления Генерального штаба (ГУГШ), с 10 августа 1916 г. — исправляющим должность начальника ГУГШ, а после 3 часов дня 27 февраля был назначен начальником войсковой охраны Петрограда, вместо заболевшего полковника В.И.Павленкова. ¹³⁸ Гучков и Занкевич еще до революции поддерживали между собой настолько «добрые» отношения, что Занкевич делился с Гучковым секретной информацией. ¹³⁹

В какой же из революционных дней произошла эта встреча? Несомненно, что она состоялась после того, как Занкевич стал начальником войсковой охраны Петрограда. В.И.Старцев пишет, что Гучков 27 февра-

ля звонил Занкевичу, а встреча их состоялась 28 февраля. ¹⁴⁰ В.С.Дякин утверждает, что Гучков ездил к Занкевичу во второй половине дня 27 февраля. ¹⁴¹ По словам Гучкова, именно после беседы с Занкевичем был создан ВКГД. Если это верно, то разговор состоялся 27 февраля до 5 часов дня. Возможно, что были и телефонный разговор, и личная встреча. Главное было, все-таки, не в форме беседы (по телефону или в ходе личной встречи), а в ее содержании. Во время разговора между Гучковым и Занкевичем состоялось соглашение или была подтверждена прежняя договоренность о линии поведения Занкевича в условиях вспыхнувшего солдатского восстания. Судя по словам Гучкова, Занкевич не собирался проводить против восставших каких-либо активных действий. Свою позицию Занкевич формально мотивировал отсутствием надежных войск. ¹⁴²

Таким образом, можно предположить, что начальник войсковой охраны Петрограда, который должен был по долгу службы предпринять все необходимые меры для подавления революции, оказался в сговоре с руководителями восстания, вернее, с одним из них — А.И.Гучковым. В пользу нашего утверждения говорит хотя бы тот факт, что Занкевич не был арестован в дни Февральской революции, что было бы вполне логично, учитывая его должность начальника войсковой охраны. Более того, 2 марта в 3 часа 36 минут дня он связался по прямому проводу с Управлением генерал-квартирмейстера Штаба верховного главнокомандующего как лицо, действовавшее по приказанию М.В.Родзянко. ¹⁴³ Добавим также, что вплоть до 15 апреля Занкевич оставался генерал-квартирмейстером. Не удивительно, что это обстоятельство могло впоследствии породить версии о причастности военной контрразведки (начальником которой был Занкевич), вернее, ее верхушки, к возникновению революции. Не исключено, что связь Гучков-Занкевич была частью известного в литературе заговора, организацией которого Гучков был занят в 1916 — начале 1917 г.

Важное участие, видимо, принимал в деятельности «штаба» В.И.Чарнолуцкий. Здесь, конечно, необходимо сделать некоторое разъяснение. Чарнолуцкий утверждал, что, прийдя в здание Государственной думы 27 февраля, «несколько первых часов» был «в положении первого самовольного организатора революции на территории дворца». Но ниже он писал, что «первые два дня я не был органически связан» с центрами Думы или Совета. В этих утверждениях присутствует противоречие: одно дело «несколько часов», когда все распоряжения отдавались устно, делопроизводство отсутствовало, а перспективы революции были в тумане, и совершенно другое — «два дня», когда механизм новой революционной власти уже получил канцелярское оформление, а революция фактически уже победила. Необходимо учитывать, что воспоминания Чарнолуцкого были опубликованы в 1927 г., и совершенно понятно его желание дистанцироваться от Государственной думы, не содействовать «мифу» о руководящей роли Государственной думы в Февральской революции. Однако мемуарист несколько раз проговорился о том, что работал в контакте именно с думским центром и даже ночевал в той комнате, где расположились на ночь депутаты Думы, а не деятели Совета. Более того, он пользовался удостоверениями от Государственной думы. Первое из них, несомненно, было получено Чарнолуцким в то время, когда новое де-

лопроизводство еще не было налажено, т.е. 27 февраля. Это была «четвертка бумаги» с надписью, что он «работает по поручению Временного Правительства». На удостоверении даже не было печати. Несколько позднее, видимо, 1 марта, он получил удостоверение на бланке ВКГД, с печатью Канцелярии Думы и за подписью М.А.Караулова.¹⁴⁴

Конечно, установить персональный состав «штаба Керенского», а также тех, кто выполнял поручения думской Военной комиссии 27 февраля, крайне трудно. Каких-либо списков «штаба Керенского» или удостоверений, помеченных дневными и вечерними часами 27 февраля, в нашем распоряжении нет. Вместе с тем, некоторую реконструкцию состава, условную, конечно, можно произвести, опираясь на приведенные выше сведения. Среди руководящих членов «штаба Керенского» и «центрального органа» были А.Ф.Керенский, М.В.Родзянко, Н.С.Чхеидзе, М.А.Караулов и А.И.Гучков. Предположительно, в его работе принимали участие П.Н.Милуков и М.И.Скобелев. После создания ВКГД, уже вечером 27 февраля организующую роль в преобразовании «штаба» в Военную комиссию сыграл депутат М.М.Ичас. В «штабе Керенского» также работали В.И.Чарнолуцкий, Б.Г.Сергиев, А.И.Гидони и В.В.Святловский. Возможно, что еще до 9 часов вечера в Военной комиссии начал свою деятельность В.А.Юревич.

Видимо, именно о членах «штаба Керенского» вспоминал В.А.Оболенский, говоря о «случайных добровольцах из интеллигенции», находившихся в Таврическом дворце днем 27 февраля. Они «пытались внести какой-то порядок в этот хаос», «брали солдат и пристраивали их к делу по своему усмотрению: занимали учреждения, расставляли караулы для охраны зданий, складов и т.д.». В.А.Оболенский писал, что большинство из этих добровольцев были социалистами,¹⁴⁵ но ни одной фамилии не назвал.

Где первоначально размещалась Военная комиссия Думы, сказать трудно. Скорее всего, вполне определенного места у нее не было. Б.Г.Сергиев вспоминал, что около 4 часов дня Керенский сидел в Полуциркульном зале, где и отдавал распоряжения.¹⁴⁶ Возможно, это происходило в тот момент, когда Совет старейшин решал вопрос о персональном составе ВКГД. Н.Н.Суханов писал о том, что «штаб Керенского» разместился в вестибюле недалеко от входа, «с левой стороны от него», за длинным столом.¹⁴⁷ Эти слова Суханова относятся приблизительно к 7 часам вечера. Но уже ближе к 9 часам вечера Военная комиссия обосновалась в кабинете и канцелярии товарища председателя Государственной думы Н.В.Некрасова (комнаты № 41 и № 42). Эти помещения, как пишет В.И.Старцев, были отданы Некрасовым для Военной комиссии по просьбе Керенского.¹⁴⁸ К этому времени Военная комиссия наладила делопроизводство и работу Комендантского управления. Керенский исполнял обязанности коменданта Таврического дворца и Петрограда, а также начальника восставших войск.

4. Создание и начало деятельности думско-советской Военной комиссии (вечер-ночь 27 февраля)

В Таврическом дворце был создан и советский штаб восстания. Он появился, по нашему мнению, около 7 часов вечера или даже несколько

позже.¹⁴⁹ С.Д.Мстиславский, сыгравший важную роль в организации этого штаба, вспоминал, что его в Думу вызвал по телефону Н.Ю.Капелинский. Придя вечером 27 февраля в Таврический дворец, Мстиславский встретил Н.Д.Соколова. Он-то и привлек Мстиславского к работе по организации «повстанческого штаба». Г.Л.Соболев считает, что «с самого начала своего возникновения Военная комиссия Совета» обосновалась в кабинете товарища председателя Государственной думы (комнаты №№ 41–42).¹⁵⁰ В действительности же первоначально «повстанческий штаб» разместился в комнате № 13. Штаб начал создаваться на основе собравшихся делегатов от восставших полков. Мстиславский писал, что среди них были «один вольноопределяющийся, один фельдфебель, все остальные — простые рядовые, “бородачи”». Офицеров не было, кроме какого-то капитана стрелкового армейского полка. Мстиславский называл также старшего лейтенанта В.Н.Филипповского — «старого товарища по эсеровской военной организации еще девятисотых годов», который пришел в Таврический дворец на 15 минут позднее, чем Мстиславский. В работе «штаба» принимали участие Н.Д.Соколов¹⁵¹ и В.М.Зензинов. Называя «повстанческий штаб» «военным штабом революции», Зензинов писал, что в «штабе» «дело дальше теоретических ученых рассуждений <...> Мстиславского не пошло <...> и я поспешил из него сбежать».¹⁵² Какого-либо практического руководства восставшими наладить не удалось, а все ограничилось разговорами, в которых выяснялось общее военное положение. Мстиславский вспоминал: «Если бы у нас была хоть одна спаянная, сохранившая строй часть <...> Ни артиллерии, ни пулеметов, ни командного состава, ни связи». Думается, что в этих словах мемуарист изложил те задачи, которые обговаривались в ходе работы «штаба». Вскоре весь первый состав «повстанческого штаба», кроме его непосредственных организаторов, распался. Капитан стрелкового полка покинул «штаб» со словами: «Пропадешь тут с вами», а делегаты полков ушли на заседание формирующегося Петроградского Совета рабочих депутатов,¹⁵³ которое началось в 9 часов вечера. Только после этого «повстанческий штаб» был переведен в комнаты №№ 41 и 42. К моменту начала общего собрания Совета рабочих депутатов «повстанческий штаб» просуществовал уже около двух часов. Главным результатом его работы было составление общей устной сводки хода восстания и определение основных задач деятельности. Заметим, что И.П.Лейберов ошибочно приписывает «повстанческому штабу» проведение военных операций,¹⁵⁴ к которым этот «штаб» не имел прямого отношения.

Придя в новое помещение «штаба», Мстиславский встретился с Керенским. Далее Мстиславский вспоминал о том, что происходило в соседней комнате: «Открыв дверь, я увидел Филипповского, окруженного десятками двумя офицеров разных родов войск, по преимуществу прапорщиков. Молодые, радостно возбужденные лица».¹⁵⁵ Ни о каких прапорщиках ранее речь не шла, более того, отправляя Мстиславского в комнаты №№ 41–42, ему обещали направлять туда «офицеров <...> буде таковые явятся». То есть, деятели Совета об уже имеющихся в распоряжении Военной комиссии офицерах ничего не знали, не знал о них и сам

Мстиславский. Кто эти прапорщики? Кто их привлек к работе «штаба»? Позднее Мстиславский писал, что в распоряжение штаба «поступили десятка два офицеров-фронтовиков, по преимуществу прапорщиков, примкнувших к движению и явившихся в Таврический». ¹⁵⁶ Мстиславский подчеркивал, что «среди явившихся во дворец офицеров — “местных”, здешних нет ни одного: все фронтовики, прибывшие в Петроград в отпуск или командировку. Поэтому связи с полками у них нет». ¹⁵⁷ Можно предположить, что среди этих прапорщиков был В.М.Лунин. Известно, что он перешел на сторону революции еще 26 февраля, а 27 февраля явился в Государственную думу. ¹⁵⁸ Прапорщик 80-го Кабардинского полка Б.Любарский, видимо, тоже с 27 февраля принимал участие в работе Военной комиссии. ¹⁵⁹

Отвлекаясь от персонального состава группы прапорщиков, укажем, что речь в данном случае идет о той «горстке офицеров», которая объединилась вокруг А.Ф.Керенского вечером 27 февраля. Н.Н.Суханов вспоминал, что именно Керенский «соединил <...> группу офицеров Временного Исполнительного Комитета с такой же группой, образовавшейся при думском Военном комитете». ¹⁶⁰ Таким образом, можно говорить о том, что около 9 часов вечера произошло первоначальное объединение двух структур — Военной комиссии Государственной думы и «повстанческого штаба». Только после этого работа «объединенного штаба восстания» начала кое-как налаживаться. Увидев офицеров, Мстиславский обрадовался: «Начало, стало быть, есть». ¹⁶¹ Суханов, зашедший в комнату № 41 в это же время, вспоминал: «<...> говорили <...>, что работа идет на всех парах». ¹⁶²

Керенский продолжал играть важную роль в деятельности Военной комиссии, являясь представителем Думы и Исполкома Петроградского Совета рабочих депутатов в Комиссии. ¹⁶³ Керенский, по воспоминаниям Суханова, вдохновлял работу Военной комиссии. ¹⁶⁴ Активное участие в работах Военной комиссии принимал и Н.Д.Соколов, ¹⁶⁵ а также еще пять деятелей Совета, которые контролировали ее работу. В ночь с 27 на 28 февраля председателем Военной комиссии был уже, по словам Б.А.Энгельгардта, В.А.Юревич. ¹⁶⁶ Хотя никаких других подтверждений этому нам пока обнаружить не удалось.

В.Н.Филипповский взял на себя Комендатуру Таврического дворца. Начальником караула Таврического дворца стал прапорщик С.Ф.Знаменский. ¹⁶⁷ С.Д.Мстиславский занялся организацией войск в городе и ведал Отделом нарядов войск. В.М.Зензинов называл среди руководящих членов Военной комиссии, расположившейся вечером 27 февраля в комнате № 41, П.И.Пальчинского. ¹⁶⁸ Во главе «склада оружия» (Отдел вооружения) встал офицер-артиллерист. Помощь ему оказывали несколько студентов и девушек. В работе Отдела вооружения принимали участие солдаты-специалисты, которые приводили в порядок «свозимое в Таврический дворец в огромном количестве оружие». ¹⁶⁹ Был создан Автомобильный отдел, который возглавил, как вспоминал Мстиславский, товарищ в «изодранной кожаной куртке». По утверждению Чарнолуцкого, первым начальником Автомобильного отдела был эсер Б.С.Синани. ¹⁷⁰

При «объединенном штабе» состояли уже упоминавшиеся «десятка два

офицеров-фронтовиков», а также студенты-добровольцы, которые исполняли различные поручения. Стали формироваться санитарные отряды из военных врачей, студентов и курсисток. ¹⁷¹ По утверждению Е.И.Хлебцевича, при формировании отрядов в Таврическом дворце составлялись списки, в одном из которых «под № 9» значился студент 4-го курса физико-математического факультета Петроградского университета В.И.Хлебцевич. ¹⁷² Можно предположить, что тогда же был создан Санитарный отдел Военной комиссии. Продовольствие для членов комиссии добывал солдат Иоффин. ¹⁷³

Ударными и разведывательными отрядами Комиссии командовали Георгиевский кавалер поручик Петров и какой-то офицер-кавказец. Под командой Петрова действовал отряд в полторы сотни штыков, а под командой офицера-кавказца — отряд, состоящий из 30 сабель, взвода пехоты и броневика. Больше никого Мстиславский вспомнить не смог. ¹⁷⁴ Отметим, что для разведки Военная комиссия использовала и санитарные отряды. ¹⁷⁵

27 февраля свои услуги Военной комиссии предложил начальник Главного морского хозяйственного управления генерал-лейтенант А.П.Зеленой, с этого же дня работал в Комиссии подпоручик Пашкевич. Выполняли приказы Комиссии старший лейтенант Анастасьев и прапорщик В.М.Клярович.

Относительно конкретных действий Военной комиссии сведений сохранилось немного. Но И.П.Лейберову удалось установить, что она организовала «несколько разведывательных групп из младших офицеров и солдат, которые были посланы в районы Дворцовой и Сенатской площадей, на Васильевский остров и Морскую улицу для выяснения обстановки». Кроме этого, несколько боевых отрядов, численностью от 50 до 150 человек были направлены к Главному арсеналу, к городской телефонной станции, на Царскосельский и Николаевский вокзалы. Лейберов указывает, что «при поддержке восставших рабочих и железнодорожников повстанческий отряд овладел Николаевским вокзалом, назначив нового коменданта, и перерезал провода правительственного телеграфа». ¹⁷⁶

Привлечение новых источников позволяет расширить представление о мероприятиях, проведенных Военной комиссией вечером 27 февраля. Начальник охраны Таврического дворца Б.Г.Сергиев вспоминал, что комендант В.Н.Филипповский «отдавал разные приказания: о занятии министерств, Охран[ного] отделения и пр[очих] учреждений». ¹⁷⁷ Отдельные поручения коменданта выполнял М.М.Оверк. В частности, Оверк по приказанию Филипповского произвел «выемку у ген[ерала] Хабалова, доставлял патроны и винтовки в комендатуру». ¹⁷⁸ Балтийский вокзал уже вечером 27 февраля оказался в руках восставших. Сюда был послан отряд под командованием старшего лейтенанта Анастасьева, который с 27 февраля стал его комендантом. С этого же дня помощником коменданта был прапорщик В.М.Клярович. ¹⁷⁹ Под контроль Военной комиссии перешел Финляндский вокзал, занятый еще днем отрядом под руководством военного врача. ¹⁸⁰

Вечером 27 февраля Военная комиссия попыталась провести операцию по захвату Центральной телефонной станции, которая имела важное стратегическое значение. ¹⁸¹ Станцию охраняла рота Запасного бата-

льона л.-гв. Петроградского полка.¹⁸² Около 10 часов вечера на Большую Морскую ул. (д.22) был направлен отряд, состоявший из 3 грузовиков, одного легкового и одного санитарного автомобиля. В отряд был включен и броневик. Операция не удалась, т.к. колонна, повернув на Большую Морскую ул., попала под перекрестный огонь, который велся со стороны Дворцовой арки и Кирпичного переулка. В ходе боя революционеры потеряли один грузовик, а в двух оставшихся грузовиках оказались раненые.¹⁸³ Кто руководил отрядом по захвату Центральной телефонной станции, установить не удалось.

Активно действовал санитарный отряд, среди членов которого были В.И.Хлебцевич и Е.А.Шупп. Отряд работал под огнем полиции и войск. Шупп вспоминала: «26 человек мы отправили в бараки. Пули свистали над нашими головами, а мы тут же на земле перевязывали и потом отправляли, где только было свободное место. После этой работы поехали в Думу».¹⁸⁴

И.П.Лейберов пишет, что Военной комиссии 27 февраля удалось немного, объясняя это тем, что она не располагала «резервными воинскими соединениями».¹⁸⁵ Но с вечера 27 февраля «целый ряд ответственных поручений, направленных на сокрушение старого и укрепление нового порядка», выполнял 1-й запасный пехотный полк.¹⁸⁶

Военная комиссия вступала в переговоры с войсками, еще не присоединившимися к восставшим, с целью увеличения революционной армии. Г.М.Мичурин вспоминал, как в приемной коменданта Таврического дворца капитан-гренадер выяснял «технику перехода лейб-гвардии Гренадерского полка в распоряжение Государственной думы». Мичурин писал: «Комендант, представив капитана как адъютанта полка — князя Максута, предложил мне поехать, договориться с командиром полка и привезти его в Думу для подписания соответствующего акта».¹⁸⁷ Задание коменданта было успешно выполнено — Запасный батальон л.-гв. Гренадерского полка перешел на сторону революции.

В «объединенном штабе» было налажено делопроизводство. Мстиславский по этому поводу замечал: «У Совета, естественно, никаких штемпелей. Пишу, поэтому приказы на найденных в письменном столе печатных бланках “Тов. Председателя Государственной Думы”».¹⁸⁸ Таким образом, «повстанческий штаб», только слившись с думской Военной комиссией, получил возможность оформлять приказы в письменном виде, но уже не как самостоятельная структура, а как часть «объединенного штаба», совместной Военной комиссии.

В ночь на 28 февраля произошло событие, положившее начало резкому изменению в составе и характере Военной комиссии. ВКГД, наконец, принял решение взять в свои руки «восстановление государственного и общественного порядка».¹⁸⁹ Для его успешного выполнения необходимо было поставить под свой полный контроль войска Петроградского гарнизона и довершить разгром военно-полицейских центров. Именно поэтому перед ВКГД встала первоочередная задача реформирования «объединенного штаба восстания». Реформа была проведена путем, во-первых, официального признания «объединенных штабов» в качестве Военной комиссии

ВКГД, и, во-вторых, назначения ее председателем и комендантом Петрограда депутата и члена ВКГД октябриста Б.А.Энгельгардта.¹⁹⁰

Во Временный комитет Думы Энгельгардт был кооптирован по предложению В.Н.Львова. Судя по всему, В.Н.Львов предложил провести Энгельгардта также на должности председателя ВК ВКГД и коменданта Петрограда.¹⁹¹ Расположен был к Энгельгардту и Родзянко, по настоянию которого Борис Александрович еще осенью 1915 г. вступил в партию октябристов.¹⁹² Энгельгардт привлек к себе внимание уже в первые дни Февральской революции, когда 26 февраля по просьбе депутатов Думы ездил в казармы Павловского полка с целью «принести оттуда точные проверенные сведения» о восстании павловцев.¹⁹³ На решение поставить Энгельгардта во главе Военной комиссии, несомненно, повлияло и то, что он был офицером — полковником Генерального штаба.

Определенный интерес имеют обстоятельства вступления Энгельгардта в должность председателя Военной комиссии. По свидетельству современников, во время смены начальства в Военной комиссии в комнате № 42 присутствовали М.В.Родзянко, Б.А.Энгельгардт, «еще какой-то думец», С.Д.Мстиславский, Н.Д.Соколов, «человек пять “советских”» и студенты Психоневрологического института, один из которых работал в Военной комиссии — большевик Л.Глезарев, и двое — члены межрайонной организации Р.Ковнатор и Б.Лившиц, случайно оказавшиеся здесь. В комнате находились также солдаты и офицеры, работавшие в Военной комиссии. Причем, как писал Мстиславский, офицеры составляли большинство.

Энгельгардт вспоминал: «Когда Родзянко ввел меня в помещение комиссии и заявил о моем назначении, какой-то брянет в штатском платье запротестовал. “Пусть член [Государственной] думы Энгельгардт работает с нами, против этого мы ничего не имеем, — заявил он, — но при чем тут назначенье? Мы быть может выберем его председателем, может быть нет, это зависит от членов комиссии и ни от кого больше”. Родзянко очень решительно прервал протестующего, сказав, что не допускает возражений, кое-кто зааплодировал и возражавший (это был Н.Соколов) спорить не стал».¹⁹⁴ О назначении Энгельгардта весьма подробные воспоминания оставил и С.Д.Мстиславский, который утверждал, что Военная комиссия была захвачена ВКГД. Однако Р.Ковнатор, в частности, считала, что Энгельгардт оказался на посту председателя Военной комиссии не по назначению, а в результате выборов. Ковнатор, скорее всего, ошибалась, выборов не было, но обсуждение решения ВКГД о назначении Энгельгардта в Военной комиссии, действительно, состоялось. Причем сначала дело не пошло, т.к. солдаты выступили против кандидатуры Энгельгардта. В это время «вдруг в комнату вбежал Ал[ександр] Керенский». Он о чем-то переговорил с Родзянко, а затем выступил с речью, в которой напирал на необходимость создания единой и твердой власти.¹⁹⁵

Складывается впечатление, что именно Керенский сумел обеспечить избрание Энгельгардта, которое было поддержано офицерами. По словам Мстиславского, более половины из них открыто поддержали решение ВКГД. Все это происходило, как писал Мстиславский, «ровно в полночь».¹⁹⁶ Энгельгардт называл примерно то же время: в первом часу

ночи.¹⁹⁷ Таким образом, около 12 часов ночи произошла институализация той Военной комиссии при Временном комитете Государственной думы, которая сложилась в результате объединения думской Военной комиссии и «повстанческого штаба». Причем ВКГД игнорировал уже сложившуюся иерархию Комиссии, т.к. формально-юридически она оформлена не была. Речь идет о том, что ранее, т.е. до 12 часов ночи, «объединенный штаб восстания» не был институализирован как объединенная структура ни ВКГД, ни формирующимся Петроградским Советом. Именно поэтому протесты советских членов «штаба» пали в пустоту. Б.А.Энгельгардт по этому поводу заметил: «Комиссия создалась явочным характером и попытка Временного комитета как-то организовать [ее] казалась естественной».¹⁹⁸

Подчеркнем, что советская Военная комиссия была организационно оформлена только на заседании Петроградского Совета рабочих депутатов. Она была создана решением общего собрания Совета «для дальнейшей организации революционных выступлений».¹⁹⁹ Когда было принято это решение — до назначения Энгельгардта или после — вопрос принципиальный. Суть его в том, кто раньше институализировал объединенную Военную комиссию: Дума или Совет? Какова взаимосвязь между формальным признанием наличия в своей структуре Военных комиссий, которые сделали соответственно ВКГД и Совет рабочих депутатов? Т.е., здесь снова актуализируется вопрос о приоритете. В интерпретации некоторых советских исследователей он подается через время прихода Родзянко в Военную комиссию с уже готовым решением о назначении на пост председателя Комиссии Энгельгардта. Г.И.Злоказов, например, утверждает, что Родзянко появился в Военной комиссии в 3-4 часа утра, ссылаясь при этом на публикацию в «Известиях ЦИК Советов» от 27 августа 1917 г.²⁰⁰ Заметим, что Р.Ковнатор в своих воспоминаниях тоже писал о том, что события, связанные с занятием Энгельгардтом поста председателя Военной комиссии, происходили «часа в 3 ночи».²⁰¹ Такая датировка, указанная, кстати, в печатном органе Совета²⁰² и использованная затем мемуаристами и исследователями, создавала иллюзию того, что уже несколько часов существовало решение Совета о создании Военной комиссии. На это, в частности, намекал М.И.Скобелев, утверждавший, что вечернее заседание Совета было кратковременным,²⁰³ а также М.Рафес, который писал, что оно «продолжалось от 9 до 11-12 ночи».²⁰⁴ Таким образом, появление в помещении Военной комиссии Родзянко, приведшего ее председателя, можно трактовать как прямой захват Думой «чужой» Военной комиссии. Г.Л.Соболев пишет, что эта версия о «захвате» ВКГД Военной комиссии Совета прочно утвердилась в отечественной историографии Февральской революции.²⁰⁵ В частности, этой версии придерживаются Э.Н.Бурджалов, И.П.Лейберов, Г.Л.Соболев и И.Л.Архипов.²⁰⁶

Вторая версия появилась в 1970-е гг. благодаря Ю.С.Токареву, который пришел к следующему выводу: «Эсеро-меньшевистское руководство Исполкома из опасений, что единоличное осуществление им права распоряжаться гарнизоном толкнет думский комитет на союз с самодержавием,

сдал ему комиссию без боя». Подтверждая свой вывод, Токарев пишет о том, что Исполком не воспрепятствовал Энгельгардту занять помещение Военной комиссии, ввести в нее своих людей и, наконец, возглавить ее. Токарев также обращает внимание и на то, что Исполком призвал солдат подчиниться распоряжениям Военной комиссии, ставшей фактически думским органом.²⁰⁷ В обращении Исполкома Совета, которое было выпущено в виде листовки, видимо, 28 февраля, заявлялось следующее: «Временный комитет Государственной думы при помощи военной комиссии организует армию и назначает начальников ее частей. Не желая мешать борьбе со старой властью, Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов не рекомендует солдатам отказываться от сохранения прочной организации и от подчинения распоряжениям военной комиссии и назначенных ею начальников».²⁰⁸

Третьей версии следует Г.И.Злоказов, и склоняется к ней в новейшей работе Г.Л.Соболев. Речь идет о том, что «первоначально образовались независимо друг от друга две Военные комиссии, которые затем слились в единую под эгидой Думского комитета».²⁰⁹ Причем Злоказов считает, что этим объединением «самостоятельная роль военной комиссии Совета во многом фактически сводилась на нет».²¹⁰

При рассмотрении этих версий необходимо учитывать следующее: во-первых, думская и советская Военные комиссии первоначально существовали в форме «штабов», носивших явочный характер. Во-вторых, думская Военная комиссия в форме «штаба Керенского» начала работать часа на четыре раньше, чем советский «повстанческий штаб». В-третьих, реально более значимый вклад в создание Военной комиссии внесли думцы, главным образом, А.Ф.Керенский и М.В.Родзянко. В-четвертых, официальное решение о создании Военной комиссии на основе «штаба Керенского» было принято Частным совещанием членов Государственной думы до 7 часов вечера 27 февраля, а вопрос об институализации Военной комиссии как объединения думской Военной комиссии и «повстанческого штаба» был решен ВКГД около 12 часов ночи. В свою очередь, Совет рабочих депутатов институализировал «повстанческий штаб» как советскую Военную комиссию ближе к 3 часам ночи 28 февраля. Мы не исключаем того, что Петроградский Совет рабочих депутатов вкладывал в это признание Военной комиссии не исключительно «советское» содержание, а пытался подчинить себе именно «объединенные штабы», т.е. ту Комиссию, которая работала уже после 9 часов вечера 27 февраля. Но, во всяком случае, приоритет в этом вопросе был все-таки за Государственной думой, а не за Советом. В-пятых, самостоятельная роль советского военного центра — «повстанческого штаба» — была исчерпана уже в момент первого объединения с думской Военной комиссией, т.к. теперь ей пришлось иметь дело с офицерами и в своем составе, и при руководстве организованными воинскими частями. В-шестых, Петроградский Совет вторую половину дня 27 февраля был занят самоорганизацией и чисто технически (отсутствие связей, опыта и кадров) не мог создать работоспособный военный орган. Понимали ли это в Совете? Скорее всего, да! Именно об этом говорит следующее постановление

Совета в изложении Н.Н.Суханова: «<...> требовать допущения в Военную комиссию всего состава избранного Исполнительного комитета». Суханов продолжал: «Было постановлено спросить о согласии на то действовавшего состава Военной комиссии, и немедленно был получен ответ: “Просят пожаловать”».²¹¹ Делегирование в Военную комиссию всего состава Исполкома говорило о том, что Совет, во-первых, был готов контролировать Комиссию, но не мог ею управлять; во-вторых, признал думский приоритет в деле институализации Военной комиссии. Таким образом, можно утверждать, что версии о «захвате» или «сдаче» Военной комиссии не верны. В действительности, произошло уже второе («окончательное») объединение двух «штабов» на условиях взаимовыгодного сотрудничества, в результате которого была официально оформлена совместная деятельность ВКГД и Петросовета по руководству вооруженным восстанием.

Активная деятельность Государственной думы и ее Военной комиссии сыграла важную роль в руководстве восставшими. Именно благодаря депутатам Государственной думы, ВК ВКГД, были сформированы первые революционные отряды, действовавшие по приказу и имевшие конкретные задания по захвату ряда правительственных учреждений и стратегически важных пунктов. ВКГД и ВК ВКГД предприняли шаги, направленные на увеличение военных сил революции. Их рост 27 февраля показывают следующие цифры: утром восставших солдат было 10200 человек, днем — 25700, вечером — 66700.²¹² Успех Думы определялся тем, что она опиралась на активную поддержку масс и различных политических сил. Петроградский Совет рабочих депутатов, не желая признавать заслуги Государственной думы в руководстве восстанием, акцентировал внимание на стихийном характере событий 27 февраля. В воззвании «К населению Петрограда и России» Совет указывал: «<...> солдаты не захотели идти против народа и восстали против правительства. Вместе с народом они захватили оружие, военные склады и ряд важных правительственных учреждений».²¹³ Это воззвание интересно и тем, что признает неучастие Совета рабочих депутатов 27 февраля в руководстве восстанием.

Вместе с тем, «штаб Керенского» постепенно преобразовался в думско-советскую Военную комиссию. Тем самым, опосредованно, через Военную комиссию, Петроградский Совет реализовал свои возможности по руководству восстанием, получил часть прав на революцию. Успешность деятельности ВК ВКГД обеспечивалась тем, что к работе по руководству восстанием имел отношение «штаб ЦВПК» как вспомогательный думский центр.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967. С.211.

² Рафес М. [Борисов М.Г.]. Мои воспоминания // Былое. 1922. № 19. С.185.

³ Там же.

⁴ Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985. С.49.

⁵ Ганелин Р.Ш., Соловьева З.П. Воспоминания Т.И.Кирпичникова как источник по истории

Февральских революционных дней 1917 г. в Петрограде // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году. Л., 1989. С.189. См. также: Лукаш И. Вольницы. Пгт., 1917.

⁶ С чего все началось / В Петрограде // Волжский день (Самара). 1917. 4 марта.

⁷ Весенев И. Да здравствует революционной гвардии Вольнский полк! // Вечернее время. 1917. 13 апреля. Заметим, что эта публикация не была использована Р.Ш.Ганелиным и З.П.Соловьевой в статье о воспоминаниях Т.И.Кирпичникова (См.: Ганелин Р.Ш., Соловьева З.П. Указ. соч.).

⁸ Ганелин Р.Ш., Соловьева З.П. Указ. соч. С.180; Русский инвалид. 1917. 16 марта. Георгий Тихонович Астахов редко упоминается в работах, посвященных действиям восставших солдат в дни Февральской революции, т.к. в апреле 1917 г. он резко выступал против Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, обвиняя его в том, что «является незаконным, ненужным, и что он мешает успешной работе Временного правительства, создавая <...> двоевластие» (От гарнизона Василеостровского района // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 2 апреля).

⁹ Весенев И. Да здравствует революционной гвардии Вольнский полк! // Вечернее время. 1917. 13 апреля.

¹⁰ Иорданский Н.И. Военное восстание 27 февраля: (Заметки) // Молодая гвардия. 1928. № 2. С.166.

¹¹ Революционное время в Русском музее и в Эрмитаже: (Воспоминания графа Д.И.Толстого) // Российский архив. М., 1992. Вып. II-III. С.337-338.

¹² РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.17. Л.368. В штурме «Крестов» 27 февраля 1917 г. принимал участие поручик Скандраков, прикомандированный к Главному артиллерийскому управлению. Он писал позднее, что «солдатами-революционерами был дан мне конь» (Ходатайство поручика Скандракова // Солдатское слово. 1917. 29 марта). Возможно, что Скандраков получил коня именно для того, чтобы командовать штурмующими тюрьму, хотя сам он об этом ничего не сообщал.

¹³ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С.136.

¹⁴ Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. Т.1, кн.1-2. С.77.

¹⁵ Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914-1919; Ломоносов Ю.В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. М., 1994. С.32.

¹⁶ Лейберов И.П. На штурм самодержавия: Петроградский пролетариат в годы первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 — март 1917 г.). М., 1979. С.239.

¹⁷ Из следственных дел Н.В.Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов / Вступ. ст. В.В.Поликарпова // Вопросы истории. 1998. № 11-12. С.19-20.

¹⁸ Милюков П.Н. Воспоминания. В 2-х т. М., 1990. Т.2. С.250-254.

¹⁹ Иорданский Н.И. Указ. соч. С.165-168.

²⁰ Львов В.Н. Переворот // Волжский день. 1918. 21 августа.

²¹ Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914-1919; Ломоносов Ю.В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. С.31-32.

²² РГИА. Ф.1278. Оп.5. Д.1157. Л.25.

²³ Архипов И.Л. Российская политическая элита в феврале 1917: психология надежды и отчаяния. СПб., 2000. С.87.

²⁴ Как произошел переворот: (Сообщение депутата А.И.Рыслева) // Амурское эхо. 1917. 18 апреля.

²⁵ Чарнолусский В.И. Десять лет назад: Воспоминания о первых моментах Февральской революции // Известия ЦИК. 1927. 12 марта.

²⁶ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.2. Л.25.

²⁷ Революционное время в Русском музее и в Эрмитаже: (Воспоминания графа Д.И.Толстого). С.338.

²⁸ Цит. по: Леонов И.Т. В.А.Оппель — президент Военно-медицинской академии в 1917 году // Военный врач. 1997. № 14. С.9.

²⁹ Старцев В.И. Стихийность и организованность в Февральском восстании 1917 года в Петрограде // 80 лет революции 1917 года в России: Республиканская научная конференция. Санкт-Петербург. 11-12 марта 1997 г.: Тезисы докладов и сообщений. СПб., 1997. С.25.

³⁰ Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С.29.

³¹ Кирпичников Т.И. Восстание [лейб]-гв[ардии] Вольнского полка в феврале 1917 г. // Крушение царизма: Воспоминания участников революционного движения в Петрограде (1907 г. — февраль 1917 г.). Л., 1986. С.311-312.

³² Токарев Ю.С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте-апреле 1917 г. Л., 1976. С.25.

³³ Лемешев Ф. На Путиловском заводе в годы войны // Красная летопись. 1927. № 2. С.38.

³⁴ Лейберов И.П. На штурм самодержавия... С.233.

³⁵ Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства... С.29.

³⁶ Рафес М. [Борисов М.Г.]. Указ. соч. С.185.

³⁷ Соболев Г.Л. Временный комитет Государственной думы и Петроградский гарнизон в дни Февральской революции // Проблемы социально-экономической и политической истории Рос-

сии XIX–XX века: Сб. ст. памяти Валентина Семеновича Дякина и Юрия Борисовича Соловьева. СПб., 1999. С.502.

- ³⁸ Рафес М. [Борисов М.Г.]. Указ. соч. С.185–186.
- ³⁹ Кокорцев В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания, 1903–1919 гг. М., 1992. Кн.2. С.341; Тыркова А.В. Петроградский дневник // Звенья. М.; СПб., 1992. Вып.2. С.327.
- ⁴⁰ Февральская революция 1917 года: Сб. док. и материалов. М., 1996. С.113.
- ⁴¹ Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С.516.
- ⁴² Иорданский Н.И. Указ. соч. С.169.
- ⁴³ Рафес М. [Борисов М.Г.]. Указ. соч. С.185–186.
- ⁴⁴ Как произошел переворот (Сообщение депутата А.И.Рыслева) // Амурское эхо. 1917. 18 апреля.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Соболев Г.Л. Временный комитет Государственной думы и Петроградский гарнизон в дни Февральской революции ... С.502. См. также: Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С.202; Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001. С.29.
- ⁴⁷ Февральская революция 1917 года. С.112.
- ⁴⁸ Делегация революционных войск в Г[осударственной] Думе // «Известия» КПЖ. 1917. 27 февраля. Б/н (Типография не указана).
- ⁴⁹ РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.66. Л.1.
- ⁵⁰ Делегация революционных войск в Г[осударственной] Думе // «Известия» КПЖ. 1917. 27 февраля. Б/н (Типография не указана); Февральская революция 1917 года. С.112.
- ⁵¹ Старцев В.И. 27 февраля 1917. М., 1984. С.150.
- ⁵² События в Петрограде. 27 февраля // Поволжский вестник. 1917. 2 марта.
- ⁵³ Исследователь пишет: «Кто организовал эту делегацию, кого она представляла, историки пока не выяснили» (Старцев В.И. 27 февраля 1917. С.150).
- ⁵⁴ Как произошел переворот (Сообщение депутата А.И.Рыслева) // Амурское эхо. 1917. 18 апреля.
- ⁵⁵ Чарнолуцкий В.И. Десять лет назад: Воспоминания о первых моментах Февральской революции // Известия ЦИК. 1927. 12 марта.
- ⁵⁶ Милоков П.Н. Воспоминания. Т.2. С.252.
- ⁵⁷ Милоков П.Н. Первый день // Последние новости (Париж). 1927. 12 марта.
- ⁵⁸ См., например: Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961. С.29.
- ⁵⁹ Керенский А.Ф. Указ. соч. С.136.
- ⁶⁰ Тыркова А.В. Указ. соч. С.327. Таким образом, В.И.Старцев несколько преувеличивает, когда пишет, что Милоков, придя 27 февраля в Таврический дворец, не покидал его несколько суток (Старцев В.И. Павел Милоков. «Усатый нянь» русской демократии // Дело. 2000. 21 февраля. № 5. С.15).
- ⁶¹ Мельгунов С.П. Указ. соч. С.29.
- ⁶² Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.1, кн.1–2. С.75.
- ⁶³ РГИА. Ф.857. Оп.1. Д.591. Л.93.
- ⁶⁴ Тыркова А.В. Указ. соч. С.327.
- ⁶⁵ Мельгунов С.П. Указ. соч. С.29–30. Мельгунов замечает, что «“тов. Соня” не мифическая личность – она фигурирует в большевистском окружении» (Там же).
- ⁶⁶ Шидловский С.И. Из воспоминаний // Последние известия (Ревель). 1922. 2 февраля; он же. Воспоминания. Берлин, 1923. Ч.1. С.53.
- ⁶⁷ Февральская революция 1917 года. С.112.
- ⁶⁸ Гессен А.И. Ход событий великих дней // Биржевые ведомости. 1917. 8 марта (веч. вып.).
- ⁶⁹ РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.17. Л.315.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Борман А.А. А.В.Тыркова–Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувен–Вашингтон, 1964. С.124.
- ⁷² Как произошел переворот (Сообщение депутата А.И.Рыслева) // Амурское эхо. 1917. 18 апреля.
- ⁷³ Мансырев С.П. Ступай пока честью просят // Русская будущность. 1917. № 6–7. 7 августа. С.5.
- ⁷⁴ Шидловский С.И. Воспоминания. С.53.
- ⁷⁵ Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С.199.
- ⁷⁶ Февральская революция 1917 года. С.112.
- ⁷⁷ Оболенский В.А. Указ. соч. С.513.
- ⁷⁸ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.2. Л.25.
- ⁷⁹ Список убитых и раненых в дни революции // Ведомости Общественного градоначальства. 1917. 17 и 29 марта.
- ⁸⁰ Энгельгардт Б.А. Воспоминания о далеком прошлом // ОР РНБ. Ф.1052. Д.32. Л.4. Об этом же Энгельгардт писал и в других своих воспоминаниях: «<...> рядом с поломанным пулеметом

лежал труп солдата Семеновского полка с пулевой раной во лбу» (ОР РНБ. Ф.1052. Д.61. Л.14); «<...> у двери одного из кабинетов лежал труп солдата Семеновского полка с простреленной головой» (Там же. Д.23. Л.42).

⁸¹ Михаил Константинович Медведев до призыва на военную службу работал контролером 1-го разряда в Петроградском конторе Государственного банка. В результате ранения, которое он получил 27 февраля у Таврического дворца, ему была ампутирована рука. 4 апреля 1917 г. Медведеву как жертве революции ВКГД было выделено пособие в размере 1000 рублей (РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.17. Л.24,38,315).

⁸² РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.2. Л.25.

⁸³ Там же. Ф.1276. Оп.8. Д.11. Ч.III. Л.110; С чего все началось / В Петрограде // Волжский день. 1917. 4 марта; Донесения Л.К.Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 6. С.30–31.

⁸⁴ Революционная армия в Гос[ударственной] Думе // «Известия» КПЖ. 1917. 27 февраля. Б/н (Типография не указана).

⁸⁵ Скобелев М.И. Гибель царизма: Воспоминания // Огонек. 1927. № 11. 13 марта. С.1.

⁸⁶ Рафес М. [Борисов М.Г.]. Указ. соч. С.186.

⁸⁷ Тыркова А.В. Указ. соч. С.327.

⁸⁸ Заславский Д.О. В Государственной думе: Из воспоминаний // Красная панорама. 1927. № 11. 11 марта. С.7,10.

⁸⁹ Иванчиков. Министр Керенский // Нижегородский листок. 1917. 29 апреля.

⁹⁰ Революционная армия в Гос[ударственной] Думе // «Известия» КПЖ. 1917. 27 февраля. Б/н (Типография не указана).

⁹¹ Мини И.И. История Великого Октября. В 3-х т. М., 1977. Т.1. С.480.

⁹² Революционная армия в Государственной Думе / Ход событий // Русское слово. 1917. 2 марта. Позднее сообщение о руководящей роли Чхеидзе, помещенное в «Русском слове», было перепечатано «Варшавским словом» (См.: Революционная армия в Государственной Думе / Февральская революция 1917 // Варшавское слово. 1920. 11 марта).

⁹³ Скобелев М.И. Указ. соч. С.1.

⁹⁴ Чарнолуцкий В.И. Десять лет назад: Воспоминания о первых моментах Февральской революции // Известия ЦИК. 1927. 12 марта.

⁹⁵ Рафес М. [Борисов М.Г.]. Указ. соч. С.186.

⁹⁶ Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1989. С.181.

⁹⁷ Герасимов П.В. Почетный караул // Солдатское слово. 1917. 10 марта.

⁹⁸ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы. Л., 1991. Т.1. С.589.

⁹⁹ Керенский А.Ф. Указ. соч. С.137–138.

¹⁰⁰ Г.П. (полк. Г.Г.Перети). В штабелях русской революции: Записки коменданта Таврического дворца. 27 февраля – 23 марта 1917 г. Репринт. воспроизведение. СПб., 1997. С.24.

¹⁰¹ Переход наружной охраны на сторону революции не давал ей гарантии от репрессий со стороны восставших. Те лица из охраны, которые не успели получить соответствующие удостоверения от коменданта Таврического дворца днем или вечером 27 февраля, уже в ночь с 27 на 28 февраля были арестованы. Среди них оказались Иван Лихачев и Гордей Рычков. 28 февраля был задержан Александр Тимофеевич Степанов, а 13 марта – Федор Володькин. В списке арестованных значился городской 3-й роты Столичной полиции Константин Неустров, находившийся в наружной охране Таврического дворца с 10 января 1917 г. (РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.3. Л.51 об.,123; Д.4. Л.21; Д.15. Л.23; Д.17. Л.1,16).

¹⁰² К сожалению, более точного времени «занятия» Таврического дворца восставшими мы указать не можем. Даже приведенные нами временные рамки «занятия» – условны. Существуют свидетельства, которые говорят о том, что восставшие вошли в Таврический дворец после 2 часов 30 минут – позднее 3 (или даже позднее 4) часов дня. Например, П.А.Сорокин 27 февраля только около 3 часов узнал о движении полков к Таврическому дворцу. Он перешел через Троицкий мост, зашел в Петроградское земство. Отсюда через Невский пр., до Литейного пр. и далее к зданию Государственной думы весь путь он проделал пешком вместе со своим «старым приятелем» Кузьминым. Сорокин вспоминал: «<...> мы в конце добрались до Таврического дворца, плотно окруженного толпами крестьян, солдат и рабочих. Однако попытки проникнуть вовнутрь русского парламента еще не предпринимались» (Сорокин П.А. Революция и социология / Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С.224). На дороге у Сорокина должно было уйти не меньше часа, так что у Таврического дворца он появился около 4 часов дня. М.Рафес вспоминал, что он выехал на грузовике с Литейного пр. в Таврический дворец в 4 часа дня. Приехав туда, он застал момент выхода из дворца Скобелева, Чхеидзе и Керенского, которые обратились с речами к восставшим. В частности, Рафес писал о том, что Скобелев выступал у решетки дворца, т.е. еще до того, как восставшие «заняли» здание Государственной думы (Рафес М. [Борисов М.Г.]. Указ. соч. С.186). Таким образом, здание Думы оказалось в руках восставших, если верить Рафесу, после 4 часов дня.

¹⁰³ Старцев В.И. Александр Керенский. Машинист, не предавший своих братьев // Дело. 2000. 6 марта. № 7. С.14.

- ¹⁰⁴ Шульгин В.В. Указ. соч. С.181; Г.П. (полк. Г.Г.Перетц). Указ. соч. С.24.
¹⁰⁵ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.2. Л.25.
¹⁰⁶ Чарнолуцкий В.И. Десять лет назад: Воспоминания о первых моментах Февральской революции // Известия ЦИК. 1927. 12 марта.
¹⁰⁷ Оболенский В.А. Указ. соч. С.513-514.
¹⁰⁸ Цит. по: Вергелис А.П. Петроградское студенчество в дни Февральской революции 1917 года. Дис. ... магистра образования. СПб., 2000. С.78.
¹⁰⁹ Амурское эхо. 1917. 22 марта. Начиная со 2 марта все средства связи в Таврическом дворце находились в руках Я.Кролика, который получил должность начальника связей, телефонов, почты, телеграфа Государственной думы (Приказ // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 2-е изд. 1917. 3 марта (экстрен. вып.)). Во время его «начальства» почта и телеграф в Таврическом дворце перестали обслуживать клиентов. В прессе сообщалось: «С 4-го марта начнет функционировать в Таврическом дворце почта и телеграф» («Известия» КПЖ. 1917. 4 марта. № 9 (Типография не указана)).
¹¹⁰ Рафес М. [Борисов М.Г.]. Указ. соч. С.187.
¹¹¹ Чарнолуцкий В.И. Десять лет назад: Воспоминания о первых моментах Февральской революции // Известия ЦИК. 1927. 12 марта.
¹¹² Рафес М. [Борисов М.Г.]. Указ. соч. С.187.
¹¹³ Чарнолуцкий В.И. Десять лет назад: Воспоминания о первых моментах Февральской революции // Известия ЦИК. 1927. 12 марта. На наш взгляд, приказ о захвате водокачки был отдан А.Ф.Керенским.
¹¹⁴ Февральская революция 1917 года. С.147.
¹¹⁵ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.2. Л.25.
¹¹⁶ Ганелин Р.Ш. Материалы по истории Февральской революции в Бахметьевском архиве Колумбийского университета // Отечественная история. 1992. № 5. С.159.
¹¹⁷ Василевский И. (Не-Буква). Куриная слепота // Накануне (Берлин). 1922. 29 июня. — Рец. на: Блок А. Последние дни императорской власти. Пгт., 1922.
¹¹⁸ Чарнолуцкий В.И. Десять лет назад: Воспоминания о первых моментах Февральской революции // Известия ЦИК. 1927. 12 марта.
¹¹⁹ Рафес М. [Борисов М.Г.]. Указ. соч. С.187.
¹²⁰ Ф.Д. Февральская революция в Петрограде (28 февраля-1 марта 1917 г.) // Красный архив. 1930. Т.4-5 (41-42). С.75.
¹²¹ Лейберов И.П. На штурм самодержавия... С.258.
¹²² Булгаков Вал. Революция на автомобилях (Петроград в феврале 1917 г.) // На чужой стороне (Прага). 1924. № 6. С.39.
¹²³ Военная комиссия при Комитете [Государственной] думы // Солдатское слово. 1917. 16 марта.
¹²⁴ Керенский А.Ф. Указ. соч. С.140.
¹²⁵ Подробнее см.: Николаев А.Б. Военная комиссия Временного комитета Государственной думы в дни Февральской революции: Персональный состав // Из глубины времен. 1998. Вып.10. С.32-33.
¹²⁶ Ичас М.М. 27 и 28 февраля 1917 года: (Мои воспоминания) // Последние новости. 1927. 12 марта.
¹²⁷ 1-й запасный полк / Письма в редакцию // Биржевые ведомости. 1917. 27 марта (веч. вып.).
¹²⁸ Керенский А.Ф. Указ. соч. С.140.
¹²⁹ Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.1, кн.1-2. С.82.
¹³⁰ Шульгин В.В. Указ. соч. С.186.
¹³¹ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.2. Л.25.
¹³² Заславский Д.О., Канторович В.А. Хроника Февральской революции. Пгт., 1924. Т.1. С.30.
¹³³ Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.1, кн.1-2. С.82.
¹³⁴ Как произошел переворот (Сообщение депутата А.И.Рыслева) // Амурское эхо. 1917. 21 апреля.
¹³⁵ Мансырев С.П. Мои воспоминания о Государственной думе // Страна гибнет сегодня: Воспоминания о Февральской революции 1917 года. М., 1991. С.108-109.
¹³⁶ Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.1, кн.1-2. С.83.
¹³⁷ Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства... С.50.
¹³⁸ Петроградский градоначальник А.П.Балк, принимавший активное участие в деятельности штаба С.С.Хабалова, писал: «Около 3-х часов дня появился в Градоначальстве совершенно растерянный генерал [М.А.] Беляев. Он удалился в отдельную комнату с генералом Хабаловым и там они совещались. Через некоторое время на место заболевшего полковника Павленко[ва] был назначен и вызван генерал [М.И.] Занкевич» (Гибель царского Петрограда: Февральская революция глазами градоначальника А.П.Балка // Русское прошлое. 1991. № 1. С.46). Если верить И.П.Лейберову, то тогда Занкевич стал начальником войсковой охраны около или несколько позднее 4 часов дня 27 февраля 1917 г. (Лейберов И.П. На штурм самодержавия... С.254).

- ¹³⁹ Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства / Подг. текста и прим. С.М.Ляндреса и А.В.Смолина; Предисл. В.И.Старцева. М., 1993. С.61.
¹⁴⁰ Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства... С.50,97.
¹⁴¹ Дьякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914-1917). Л., 1967. С.330.
¹⁴² Февральская революция 1917 года. С.224.
¹⁴³ Красный архив. 1927. Т.3 (22). С.5.
¹⁴⁴ Чарнолуцкий В.И. Десять лет назад: Воспоминания о первых моментах Февральской революции // Известия ЦИК. 1927. 12 марта.
¹⁴⁵ Оболенский В.А. Указ. соч. С.514.
¹⁴⁶ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.2. Л.25.
¹⁴⁷ Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.1, кн.1-2. С.82.
¹⁴⁸ Старцев В.И. 27 февраля 1917. С.177.
¹⁴⁹ Г.И.Злоказов в своей работе, говоря о Военной комиссии, вообще не называет времени ее создания (Злоказов Г.И. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции (февраль-июнь 1917 г.). М., 1969. 48-49). Э.Н.Бурджалов и В.И.Старцев указывают, что советская Военная комиссия была создана до вечернего заседания Совета рабочих депутатов (Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С.217; Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства... С.46). И.П.Лейберов пишет, что «военный штаб» был создан за час до начала вечернего заседания Совета, т.е. в 8 часов вечера (Лейберов И.П. На штурм самодержавия... С.262). Ю.С.Токарев утверждает, что «повстанческий штаб» «начал организовываться <...> не ранее 9 часов вечера 27 февраля» (Токарев Ю.С. Указ. соч. С.55).
¹⁵⁰ Соболев Г.Л. Временный комитет Государственной думы и Петроградский гарнизон в дни Февральской революции... С.503.
¹⁵¹ Мстиславский С.Д. Пять дней: Начало и конец февральской революции. М., 1922. С.10, 12.
¹⁵² В.М.Зензинов ошибочно отнес время создания «военного штаба революции» к 28 февраля (Зензинов В.М. Февральские дни // Новый журнал (Нью-Йорк). 1953. Кн.XXXV. С.219).
¹⁵³ Мстиславский С.Д. Пять дней. С.12,13.
¹⁵⁴ Лейберов И.П. На штурм самодержавия... С.262.
¹⁵⁵ Мстиславский С.Д. Пять дней. С.13-14.
¹⁵⁶ Мстиславский С.Д. Гибель царизма. Л., 1927. С.76.
¹⁵⁷ Мстиславский С.Д. Пять дней. С.14.
¹⁵⁸ РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.17. Л.484-485; Фукалов. Прапорщик Лунин: (Правнук декабриста Лунина) // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 17 апреля.
¹⁵⁹ Тарасов-Родионов А.И. Февраль. Роман-хроника. М., 1931. С.158.
¹⁶⁰ Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.1, кн.1-2. С.77.
¹⁶¹ Мстиславский С.Д. Пять дней. С.14.
¹⁶² Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.1, кн.1-2. С.95.
¹⁶³ Шаикова О.А. Примечания // Февральская революция 1917 года. С.323.
¹⁶⁴ Суханов Н.Н. Указ. соч. Т.1, кн.1-2. С.95.
¹⁶⁵ Мстиславский С.Д. Пять дней. С.17; Энгельгардт Б.А. Воспоминания о далеком прошлом // ОР РНБ. Ф.1052. Д.32. Л.7.
¹⁶⁶ Энгельгардт Б.А. Крушение империи. Бывший депутат Государственной думы рассказывает о падении царизма // Неделя. 1964. 13-19 декабря. № 51. С.6.
¹⁶⁷ Чарнолуцкий В.И. Десять лет назад: Воспоминания о первых моментах Февральской революции // Известия ЦИК. 1927. 12 марта.
¹⁶⁸ Зензинов В.М. Указ. соч. С.214.
¹⁶⁹ Скобелев М.И. Указ. соч. С.2.
¹⁷⁰ Чарнолуцкий В.И. Десять лет назад: Воспоминания о первых моментах Февральской революции // Известия ЦИК. 1927. 12 марта.
¹⁷¹ Скобелев М.И. Указ. соч. С.2.
¹⁷² АМ СПбГУ. Ф.Р.Д. Д.29. Л.4 об.
¹⁷³ Тарасов-Родионов А.И. Указ. соч. С.157.
¹⁷⁴ Мстиславский С.Д. Пять дней. С.14-15.
¹⁷⁵ АМ СПбГУ. Ф.Р.Д. Д.29. Л.5.
¹⁷⁶ Лейберов И.П. На штурм самодержавия... С.262-263.
¹⁷⁷ РГИА. Ф.1279. Оп.1. Д.2. Л.25.
¹⁷⁸ ЦГИА СПб. Ф.487. Оп.1. Д.2670. Л.13.
¹⁷⁹ РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.46. Л.3 об.-4.
¹⁸⁰ Мстиславский С.Д. Пять дней. С.14.
¹⁸¹ В 1917 г. Центральная телефонная станция представляла собой крупнейший коммуникационный узел Петрограда. Станция была рассчитана на 70 тысяч номеров, ее обслуживали 980 телефонисток (Старцев В.И. В центре событий // Ленинградская правда. 1971. 18 декабря).
¹⁸² Ганелин Р.Ш. Материалы по истории Февральской революции... С.161.

¹⁸³ *Уайт Дж.* Засада у телефонной станции // Маленькая газета. 1917. 5 марта. По сведениям Военной комиссии отряд потерял убитыми 3 человек. Кроме этого, полиция сумела захватить броневик. Водителем броневика был солдат Запасного броневоего автомобильного дивизиона М.Н.Орлов. Во время боя он получил ранение в бедро, но его сумели вывезти с места боя (РГИА. Ф.1278. Оп.10. Д.17. Л.467-469; *Ф.Д.* Указ. соч. С.72,75).

¹⁸⁴ АМ СПбГУ. Ф.Р.Д. Д.29. Л.6.

¹⁸⁵ *Лейберов И.П.* На штурм самодержавия... С.262.

¹⁸⁶ Биржевые ведомости. 1917. 27 марта (веч. вып.).

¹⁸⁷ *Мичурин Г.М.* Горячие дни актерской жизни. Л., 1972. С.13.

¹⁸⁸ *Мстиславский С.Д.* Пять дней. С.15. Мстиславский в других своих воспоминаниях, пытаясь доказать, что Государственная дума руководящей роли в Февральской революции не играла, представлял дело так, что в ночь с 27 на 28 февраля он, работая в Военной комиссии Совета рабочих депутатов, находился в кабинете товарища председателя Государственной думы. Мстиславский вспоминал: «<...> я писал наряды и боевые приказы выступавшим по указаниям комиссии отрядам на подручном материале: на бланках с заголовком “Товарищ председателя Государственной Думы” и даже не зачеркивал этого заголовка. Быть может, если бы мы были сейчас не в СССР, а в конституционной монархии — эти приказы на бланках тоже фигурировали бы в качестве документальных доказательств, что действиями против Хабаловских войск и Протопоповских пулеметов, тоже “руководила” Государственная Дума» (*Мстиславский С.Д.* Февральская революция // Красная панорама. 1927. № 11. 11 марта. С.2).

¹⁸⁹ Первые шаги Исполнительного Комитета // «Известия» КПЖ. 1917. 28 февраля. № 2 (Типография Т-ва А.С.Суворина...).

¹⁹⁰ Н.Н.Суханов намекал, что назначению Б.А.Энгельгардта предшествовали какие-то переговоры между ВКГД и деятелями Петроградского Совета, но не знал какие (*Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т.1, кн.1-2. С.101). Возможно, что в данном случае речь идет о коротком разговоре, который состоялся между М.В.Родзянко и А.Ф.Керенским в помещении ВК ВКГД в тот момент, когда избрание Б.А.Энгельгардта находилось на грани срыва (См.: *Ковнатор Р.* Накануне «Февраля»: (Отрывки из воспоминаний) // Революционное юношество: Из прошлого социал-демократической учащейся и рабочей молодежи. Л., 1924. Сб.1. С.192).

¹⁹¹ *Энгельгардт Б.А.* Воспоминания о далеком прошлом // ОР РНБ. Ф.1052. Д.32. Л.6.

¹⁹² *Мальцев А.Д.* Предисловие / *Энгельгардт Б.А.* Воспоминания: 1940-1941 гг. // Источниково-ведческое изучение памятников письменной культуры. Л., 1990. С.150.

¹⁹³ *Черкасский А.* Как это было: (Из записной книжки нашего постоянного думского корреспондента) // Газета-копейка. 1917. 14 марта.

¹⁹⁴ *Энгельгардт Б.А.* Воспоминания о далеком прошлом // ОР РНБ. Ф.1052. Д.32. Л.7.

¹⁹⁵ *Ковнатор Р.* Указ. соч. С.191-192.

¹⁹⁶ *Мстиславский С.Д.* Пять дней. С.17-18.

¹⁹⁷ *Энгельгардт Б.А.* Воспоминания о далеком прошлом // ОР РНБ. Ф.1052. Д.32. Л.7.

¹⁹⁸ *Энгельгардт Б.А.* Воспоминания камер-пажа выпуска 1896 г. // ОР РНБ. Ф.1052. Д.23. Л.48.

¹⁹⁹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т.1. С.22.

²⁰⁰ *Злоказов Г.И.* Указ. соч. С.49.

²⁰¹ *Ковнатор Р.* Указ. соч. С.191.

²⁰² Как образовался Петроградский Совет // Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 27 августа.

²⁰³ *Скобелев М.И.* Указ. соч. С.2.

²⁰⁴ *Рафес М.* [Борисов М.Г.]. Указ. соч. С.189.

²⁰⁵ *Соболев Г.Л.* Временный комитет Государственной думы и Петроградский гарнизон в дни Февральской революции... С.503.

²⁰⁶ *Бурджалов Э.Н.* Указ. соч. С.239-240; *Лейберов И.П.* На штурм самодержавия... С.265-266; *Соболев Г.Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября... С.55; *Архипов И.Л.* Указ. соч. С.105.

²⁰⁷ *Токарев Ю.С.* Указ. соч. С.56.

²⁰⁸ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т.1. С.25.

²⁰⁹ *Соболев Г.Л.* Временный комитет Государственной думы и Петроградский гарнизон в дни Февральской революции... С.506.

²¹⁰ *Злоказов Г.И.* Указ. соч. С.49.

²¹¹ *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т.1, кн.1-2. С.100.

²¹² Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 г. Л., 1932. С.VI.

²¹³ К населению Петрограда и России. От Совета Рабочих Депутатов // Известия Петроградского Совета рабочих депутатов. 1917. 28 февраля.

ОЧЕРК III

ВКГД И ЕГО КОМИССАРЫ – ПЕРВОЕ ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Временный комитет в предельно сжатые сроки сумел стать властным органом с весьма широкими полномочиями. Можно утверждать, что в конце февраля – начале марта ВКГД играл роль центральной власти, при еще фактически существующей Верховной власти самодержца. Но старая власть постепенно утрачивала свое значение, а власть ВКГД все более приобретала характер власти Верховной. Сложилась уникальная ситуация, отчасти повторенная Временным правительством – с одной стороны, ВКГД играл роль правительственной власти, отдавая различные распоряжения, а с другой взял на себя частично функции Верховной власти. Именно о таком характере Временной власти и говорили постановления, воззвания и решения комитета. Вместе с тем, вопрос о том, являлся ли ВКГД первым Временным правительством в смысле пределов власти и выполнения им правительственных функций, до сих пор остается спорным в исторической литературе. Думается, что ответ на него можно найти, выяснив характер и значение деятельности комиссаров, которые направлялись ВКГД в важнейшие правительственные учреждения.

1. Комиссары Временного комитета Государственной думы в правительственных учреждениях: состав и полномочия

Неудачи переговоров с председателем Совета министров князем Н.Д.Голицыным, а также весьма успешное развитие восстания в Петрограде и переход на сторону ВКГД все новых и новых воинских частей заставили ВКГД принять решение о взятии власти в свои руки, в том числе и для создания нового правительства.¹

Широко известен тот факт, что последним доводом в пользу взятия власти послужило сообщение о переходе на сторону Государственной думы Запасного батальона л.-гв. Преображенского полка – «весь полк, офицеры и солдаты». Эту информацию получил в 11 часов вечера 27 февраля² член ВКГД С.И.Шидловский 1-й по телефону из казармы полка (ул.Мил-